

Глава I

Эх, яблочко, куда ты катишься?..

В которой описывается, к чему может привести приобретение ортопедической подушки, а также каковы могут быть последствия воровства яблок.

Я ввалился в темную комнату, бухнулся на кровать, устало протер глаза и зевнул. Очередной поход в кино с друзьями завершился вполне удачно. Повеселились, надо сказать на славу, посему я чувствовал себя чуть ли не каким-нибудь средневековым воином, который восемь часов кряду без усталости рубил врагов. Попросту говоря, устал я страшно.

Так что сейчас хотелось лишь одного – постелить уютную постельку, завалиться на боковую и спать, спать, спать...

Благо, возможное решение проблемы бессонницы, которая упрямо докучала мне на протяжении всей недели, проблема, которую я все это время пытался безрезультатно решить всеми известными мне способами (так-то: изнуряя себя упражнениями, лакая валерьянку чуть ли не литрами, часами слушая спокойную музыку и так далее) пришло из неожиданного источника – от моего хорошего, но забавного по манере поведения друга Андрея, который клятвенно пообещал, что после покупки ортопедической подушки я буду спать как убитый. Его дежурное «мне помогло, я отвечаю!» я уже не слушал. Заманчивая мысль вернуть себе нормальный, человеческий сон всецело поглотило все мое существо. Я решил последовать Андрюхиному совету.

Голова утопла в мягких объятьях моей новой подушки. Накрывшись теплым, обволакивающим одеялом я блаженно вздохнул, закрыл глаза и мысленно воздал хвалу Селестии за то, что сегодня всего лишь суббота, и завтра у меня будет предостаточно времени на то, чтобы завершить все свои незаконченные дела.

Как бы то ни было, время шло, а сон – нет. Глаза раскрывать не хотелось – чего доброго, упущу столь желанные сновидения, которые, казалось, вот-вот окутают меня своей мягкой пеленой.

Мерное тиканье будильника на тумбочке (моего злейшего врага, особенно по понедельникам) вдруг прервалось, и в комнате повисла полная тишина. Я раздраженно зажмурился еще сильнее и, поерзав в постели, повернулся набок. Вздохнул. Подождал еще. Захотелось кричать от злости. Нет, правда, ну что за дела? Неужто все настолько плохо? Сходить что ли на кухню, воды попить... Может хоть это поможет.

Я открыл глаза. Лучше бы я этого не делал. Вместо привычной, обыкновенной, ничем не выдающейся обстановки нагретой сонным дыханием комнаты меня окружал свежий летний воздух, деревья, цветочки. Вместо тонкой льняной простыни подо мной расстился мягкий ковер из молодой зеленой травы. Вместо «чудодейственной» подушки – серый камень. Вместо одеяла... Стоп... Вместо рук у меня... Копыта? **КОПЫТА? СТООООЯТЬ!** Ужас перед неизведанным сковал мое сердце. Дыхание спёрло. Тело ощущалось не так, как должно – все было как-то... Непривычно. Жуткая мысль бесцеремонно, без приглашения посетила мою голову. Нет, этого не может быть. Я – лошадь?!

Надежду мне вернуло воспоминание о том, что существуют некие загадочные «осознанные сновидения» (в которых мне, как человеку с очень плохим сном, побывать, естественно, ни разу не удавалось). Может, свершилось чудо, подушка возымела действие, и я как раз впал в такое состояние?

Я, конечно, в подобных вещах совсем не разбираюсь, и, возможно, все так и должно быть, но слишком уж натуралистично ощущал я на своем ныне покрытом шерстью теле мягкое дуновение ветерка, слишком уж неотступно ко мне в нос лезли характерные ароматы лета. Ценой невероятных усилий я поднялся на все четыре (!) ноги, оглянулся и... Разинул рот.

Природа вокруг меня была, без всяких преувеличений, поистине прекрасна. Сон ведь. Окружали меня стройные ряды яблонь, освещенных ярким летним солнцем, зеленых и прекрасных. Легкий, теплый, приятный ветерок умиротворяюще шумел в кронах деревьев, тихо перешёптываясь со своими братьями-растениями. Птички, чирикавая, посвистывая по-всякому, заливаясь своими чудесными песенками, беззаботно игрались между собой и скакали с ветки на ветку.

Ощущения, все равно, были самыми ненормальными. Ну не каждый же день вы становитесь лошад... В моём случае – конём, не так ли? То-то же. На ватных ногах я сделал несколько неуверенных шагов вперед, после чего потерял равновесие и рухнул на землю. Неприятные ощущения от падения не заставили себя ждать. Странно, слишком уж реалистично для сна... Нахмурившись и раздраженно отбросив скорбные мысли, я попытался приободриться, медленно встал и поплелся куда глаза глядят.

Следующей моей мыслью было что-то вроде: «куда же мне теперь идти?» Я оказался на неизвестной мне территории, не имея под рук... Копытом ничего, в полном неведении... Хорошо, что терять мне нечего, ибо я безнадежный топографический кретин, и заплутать в трех соснах для меня – не проблема.

Если это всё – сон, значит, я могу совершенно невозбранно творить все, что угодно. Ведомый этой спасительной мыслью, я вытянул непривычно длинную шею вверх, к ближайшей яблоне, и схватил зубами красное, сочное яблоко, которое так и просилось в рот. Пока я с удовольствием пережевывал сие чудесное порождение флоры, и размышлял о том, как же лошади обходятся без рук, в кустах кто-то робко зашуршал.

Кусок яблока застрял в горле. Я, широко разинув глаза поперхнулся и быстро шмыгнул за ближайшую яблоню. Кролик (а нарушителем моего спокойствия являлся именно он), напуганный не меньше моего, выронил краденую морковку из зубов и куда-то умчался. Я вперил взгляд в потерянный неудачливым кроликом овощ. Так-так, похоже, неподалеку отсюда живет кто-то цивилизованный... Странно, что эта мысль не пришла мне в голову раньше. Не живи здесь кто-нибудь, некому было бы посадить здесь эти яблони, правильно?.. Вдруг, обрывки разговора стали доноситься до меня.

– ... значит, завтра ты идешь на Гранд Галопинг Гала?

– Ага, сестрѐнка. Ты чего, забыла, я тебя сто лет назад об этом предупредила! –

Любопытство с новой силой разыгралось во мне и я начал подкрадываться поближе к голосам. Раздался второй голос, который, судя по всему, принадлежал маленькой девочке:

– Но я так хотела, чтобы ты завтра помогла нам в поиске меток...

– Эпплблум, я обещаю, когда вернусь с Гранд Галопинг Гала, я не только подсоблю тебе и твоим подружкам, но и принесу с собой такую здоровенную кучу денег, что ты просто глазам своим не поверишь! На эти деньги мы тут *ТАКОЕ* сделаем! Йиииииха!

Стойте... Эпплблум?! Казалось бы, при чем тут *My Little Pony*? Только не говорите, что я попал в Эквестрию. В мир, который населяют пони. Слишком уж это странно. Вернее, странно то, что мне еще хоть что-то кажется странным.

Я как можно бесшумней подобрался к ближайшему дереву, прижался к нему и осторожно, еле дыша, стараясь не производить лишних движений, высунул из-за ствола голову. Две милых пони, которые были точно такими же, какими они были нарисованы в сериале, – Эпплджек и Эпплблум, разговаривали между собой на полянке. На спине у Эпплджек висело что-то вроде коромысла, разве что в ведрах вместо воды были горы яблок.

– Ладно... – Протянула Эпплблум, сокрушенно опустила голову и побрела куда-то в одной ей известном направлении. Тут мне пришлось снова спешно спрятаться, ибо Эпплджек, кажется, повернула голову в мою сторону. Может, выйти из своего укрытия, и показаться на людях? Тьфу, каких людях? Черт, как непривычно-то... Тем более, если это сон, то терять мне нечего. А если же это не сон? Нет, не может такого быть! Снова я выглянул из-за дерева, но на поляне больше никого не было. Потрещав опавшими ветками, я выполз на опушку,

боязливо осмотрелся, после чего решил направиться по следам Эпплблум.

– А ты кто таков будешь? – Низковатый голос Эпплджек, раздавшийся сзади, испугал меня посильней любого ужасика, который я когда-либо смотрел. Она заметила меня!

Глава II

Даже сходить с ума надо с умом.

В которой описывается, почём фунт лиха, где можно купить мертвого осла уши, а также рассказывается о том, как начался «самый жестокий» и «кровопролитный» конфликт за всю историю Эквестрии.

Как некогда говорил господин Карлсон, как благодарными потомками, так и им самим прозванный в меру упитанным мужчиною в полном расцвете сил – «спокойствие, только спокойствие...»

Что ж, если я сейчас остановлюсь и попытаюсь заговорить с ней, то чего я ей скажу? Язык у меня подвешен не то чтобы ахти. Всегда придерживался правила: «если у тебя есть фонтан – заткни его».

Эх, ладно, стоит попробовать. Мне уже каким-то образом пару раз довелось выходить сухим из воды в подобных щекотливых обстоятельствах. Я сглотнул и неуклюже повернулся «к лесу задом, к ней передом». Эпплджек, изучая меня с нескрываемым интересом, заняла выжидательную позицию. От этого я чувствовал себя еще неуютней. Я раскрыл рот и нерешительно заговорил:

– Я... – Тут я замолчал. И мне словно вожжа под хвост попала. Почти в прямом смысле этого слова, вы же всё ещё помните, что я пони? Молча, на удивление четкими, уверенными движениями и совершенно внезапно ноги чуть ли не сами понесли меня. Я пулей сорвался с места, и, что есть духу, помчался в другую сторону.

– Эй, а ну-ка стой! – Крик Эпплджек донесся до моих ушей, но, естественно, подчиниться ей я не собирался. Не на таковского напала, так-то! Я даже не вспоминал и не хотел вспоминать те эпизоды МПР, в которых ЭйДжей бегала очень даже резво, и не думал о том, что ей догнать меня, по сути спящего (предпочитаю думать так), или же вчерашнего человека, который к своему лошадиному обличью привыкнуть не успел, наверное, не составит никакого труда. Впрочем, голова у нас чтобы думать, а ноги – чтобы ходить. Или же бегать. А на то, чтобы работать головой у меня не было ни секундошки свободной. Настал ваш час, ноги!

Что-то я увлекся бредовыми подробностями и понёс ахинею. Вернемся к повествованию. Итак, я несся вперед, не разбирая дороги, по пути ловко минуя бесконечные яблони, камни, перепрыгивая через всё что попало, и копыта мои чётко выбивали ритм: «та-та-там, та-та-там, та-та-там...»

Долгое время я не оглядывался назад. Когда же я наконец собрался с духом и посмотрел назад, то с удивлением обнаружил, что сзади меня... Никого нет! Я притормозил и с не меньшим удивлением обнаружил, что еле-еле могу перевести дыхание, настолько быстро я бежал. Неужели я оторвался от моей преследовательницы? С трудом отдышавшись, я осмотрелся и, как ни странно, нисколечко не удивился, что меня окружают все те же бесчисленные яблони.

Я сел на землю и со вздохом облегчения прислонился к ближайшему дереву, после чего смахнул со лба пот, закрыл глаза и крепко призадумался. Так-так. Приехали. Я опять в таком же неудобном положении, в каком был, когда только очутился туточки. Единственное, что я теперь хотя бы понимаю, это то, какой мир меня приютит в моём же сне: Эквестрия. Да, во сне. Но сильно легче от этого не становится; как-никак, мне надо исхитриться, сделать финт ушами и придумать, как поступать дальше.

Можно *ВНЕЗАПНО* нагряться в Понивилль. Нет. Чего доброго, в психушку упекут, если я

стану там разглагольствовать о том, что я пришелец из другого мира. Хотя, постойте, нет же у них психушки здесь! Откуда ей взяться? Или же... Есть?.. По крайней мере, в сериале её не было. Как знать, вдруг подлые буржуины из Hasbro схитрили, наврали с три короба, и на самом деле мир Эквестрии далеко не такой светлый и добрый, и здесь есть и преступники, и психи, и каторжники? В таком случае, все «блага» современной цивилизации – и тюрьма, и психушка, и каторга имеются здесь соответственно?! Нет, путь в Понивилль мне пока что заказан. Уж чересчур рискованно.

Тогда что, - оставаться здесь? Ну, тут я вообще молчу, ибо это бесполезно. Я не могу сидеть в этом проклятом саду вечность, кушая одни лишь яблоки, и занимаясь чёрти-зная-чем. А может мне пойти в Понивилль и притвориться чужеземцем? Скажу что я, из... Из... О, Мэйнхеттена! И... И... Скрываюсь от закона? Нетушки. Сбежал? Нет. А, придумал, мой дом сгорел! Стоять, зачем в таком случае мне топтать за тридевять земель сюда, в Селестией забытый Понивилль? Хм... Ага, мне надоела жизнь в большом городе, и я решил сюда переехать.

Замечательно. Кулстори. Теперь остаётся куда более насущная проблема. Надо выбираться из этого сада-лабиринта, в котором даже будь я с понтом под зонтом минотавр, то тыщу лет бы бегал в поисках выхода, и в итоге не нашел бы его.

Неожиданно для себя я зевнул, и решил вот что: прикорну-ка я прямо здесь, под этой яблоней, и под темным покровом ночи, точно заправский ниндзя, проберусь в город и разведу обстановку. Ночью незаметно провернуть такую операцию будет значительно легче.

- Ладно, а дальше посмотрим... - пробормотал я, уже засыпая и зарываясь в куст, чтобы не спать прямо на дороге, и быть как можно неприметней. Удивительно, насколько хорошо мне спится во сне. Если бы я дрых также хорошо в реальности, процентов на двадцать я стал бы счастливей уж точно...

Так уж повелось, что всякий раз, как я открываю глаза, то оказываюсь в неизвестном мне месте. К сожалению, так оно и вышло снова. И это действует на нервы, знаете ли.

Я проснулся, сам не зная от чего, и то, что я увидел в момент пробуждения, меня совсем не обрадовало. Во-первых, яблочный сад сменился... Больничной палатой? Во-вторых, прямо перед моей койкой, на которую я был заботливо кем-то уложен, стоял необычного, потешного вида пони, с тёмно-оранжевой шерстью, косматой, взлохмаченной красноватой гривой и, - что самое страшное, вперившего свои тёмно-красные зрачки прямо в меня. Его странная улыбка до ушей и то, как безумно посверкивали его глаза, могло здорово перепугать даже огромного дракона, чего уж говорить обо мне, простом челове... Пони! Обнаружив, что я наконец пробудился, он прям-таки засиял, запрыгал от удовольствия и радостно затараторил:

- День добрый, друг мой до-сна-охочий! – Я, ничуть не доверяя этому подозрительному типу, чисто инстинктивно еще сильнее закрылся одеялом и выдавил из себя:

- Здравствуйте...

- Как приятно видеть вас здесь, друг мой любезный! Для меня большая честь видеть вас здесь!

- Я... Тоже очень рад. – В полном недоумении промямлил я.

- Скажите, а у вас фунт-два лиха не найдётся? И почём? – С такой же наивно-добродушно-безумной миной на лице наклонил голову мой собеседник.

- *Что?!* – Опешил я.

- Друг мой непонятливый, я вас умоляю! Продайте мне хотя бы один фунт лиха! – Что ответить этому странному пони, я не знал. Несколько секунд помолчав, я, подавленный его пристальным, пронзающим до глубины души, выворачивающим наизнанку сумасбродным взглядом, вымолвил:

- Но, у меня ни единого фунта... Лиха... - Умалишённый заметно приуныл. Весёлый огонёк в его глазах почти потух, улыбка потихоньку сползла, уши обвисли, а голова стала медленно

клониться вниз. Я не ожидал, что мои слова произведут такой... Потрясающий эффект, и что этот пони окажется настолько чувствительным. Наверное, он всю жизнь искал того, кто продаст ему хотя бы один фунт лиха... Но никто, его, бедного, не понимает. Ни у кого нет даже малюсенького грамма лиха, чтобы продать ему.

Пока он горевал, я осмотрелся вокруг. Ничего особенного. Небольшая каморка. Три койки. На одной из коек, громко храпя, возлежал силуэт ещё одного пони. Посреди комнаты гордо воздымался стол. На столе стояла ваза с цветами и были разложены какие-то продукты. На дворе была ночь – это было видно, если посмотреть в средних размеров окно на стене. Еще (что очевидно), здесь была дверь (хотя, если честно, я уже был готов к восприятию любого бреда, и не оказался здесь её, я не сильно бы удивился). На вид довольно прочная (выбить её и утекать не получится). Следовательно, я попал в...

- О, о, о! Друг мой предприимчивый, а не хотите ли приобрести мёртвого осла уши? – Внезапно воскликнул сумасшедший, изрядно меня перепугав и сбив ход моих мыслей.

- Нет. Простите, не нужны мне ваши ослиные уши, понятно? – Раздражённо процедил я сквозь зубы. – Я направил свой взгляд на него, и глаза наши встретились. – Я спрашиваю, понятно?! – Рыкнул я. Сам не ожидал от себя такой злобы. Да уж, этот пони здорово мне надоел. Обычно меня не так уж и просто вывести из себя.

- Нет так нет, чего уж там! – Весело пропел мой собеседник и пожал плечами, после чего немедленно продолжил: – А где купить можно, не знаете, друг мой всезнающий?

- *НЕТ*, я *НЕ* интересуюсь ушами мертвых ослов, и *НЕ* имею *НИ* малейшего понятия, где их можно достать!!!

- А дырка от бублика, по дешёвке, вас случаем не прельщает, а? – Столь же упрямо и с назойливой жизнерадостностью гнул он своё.

- *НЕТ!!*

- Ага, друг мой разборчивый, возможно, вас заинтересует сломанный прутик из Вечнодикого Леса? – Оптимистично предположил тот.

- *НЕТ, НЕТ, НЕТ, И ЕЩЁ РАЗ НЕТ!!!* – Закричал я, ибо был больше не в силах терпеть эту пытку.

- Что ж, тогда... - На краткое мгновение прервал свой поток слов надоедливый незнакомец, задумавшись.

- Уважаемый, дайте поспать, а... - Упавшим голосом перебил его я. Крики на него не воздействовали, надо пойти другим путём.

- Без проблем, друг мой! – Без малейшей нотки обиды в голосе отозвался безумный, и, повременив мгновение-другое, с довольным видом добавил: – Приятных снов! – С этими словами он развернулся, и, мурлыкая себе какую-то мелодию под нос, направился к своей койке.

- Ох, ёлки-палки... – Тихо выдохнул я, повернулся головой к стене, попытавшись успокоиться и собраться с мыслями. Спустя несколько минут к храпу третьего пони присоединился храп моего недавнего собеседника.

Итак. Похоже, я попал в психушку. Забавное совпадение. Может, мне здесь и место, что мне такие бредовые сны снятся? Хм. Наверное, я слишком неосторожно спал. Знал же, что укрыться получше надо! Вероятно, Эплджек или ещё кто-нибудь обнаружил меня и перетащил меня сюда. Теперь мне не остаётся ничего, кроме как покорно ожидать решения судьбы-злодейки.

Около нескольких часов я, не думая ни о чём, неподвижно валялся в кровати, пытаюсь вздремнуть. Триклятая бессонница, и тут меня настигла. Хотя оно и ясно – я вроде как неплохо выспался до этого днём.

- Кхм. – Надо мной раздался сухой кашель, который явно был издан не просто так, а с целью привлечения к своей персоне внимания. Я не среагировал.

- Кхм-кхм! – Настойчиво повторил кто-то надо моим ухом. Я не поддался на провокацию и

предпочел снова проигнорировать призыв. «Продолжение банкета» не заставило себя ждать:

- Сэр, я к вам, между прочим, обращаюсь! – Послышался голос, в котором звучали неприкрытые надменные нотки.

- Ну-ну. – Равнодушно бросил я.

- Это невыносимо! – Голос неизвестного возмущённо задрожал. – Вы, сэр, подлеиший из всех правителей Эквестрии, правивших одной из частей её обширной территории за всё время её, Эквестрии, существования! – Я не выдержал и... Прыснул от смеха. Не ожидал я такой реплики. Это уязвило моего новоиспечённого собеседника до глубины души и он в сердцах воскликнул:

- Еще раз повторяю, это просто нестерпимо! Я требую, чтобы вы, о надменный король, обратили на меня внимание, как и полагается царственным особам! – Неизвестный просто задыхался от праведного гнева, который охватил всё его существо. Мне стало интересно, во что это всё выльется, так что спокойно я повернулся к нему лицом и присел. Теперь же передо мной стоял худощавый серый пони, с высокомерным выражением лица, светлой гривой и такими же длинными, светлыми, висячими усищами.

- Я вас слушаю, о, «сэр». – Нагло и насмешливо ухмыльнулся я.

- Вы, о бесчестный, пересекли священные границы между нашими государствами!! Вы...

- Мне кажется, это вы её пересекли... - Сочувственно улыбнулся я, продолжал потешаться над сумасшедшим. При этом я указал ему копытом на то, что он почему-то стоит рядом с моей койкой, вместо того чтобы мирно спать в своей. Такого мой «правитель» вынести не смог: дыхание его участилось, лицо приняло выражение, подобное тому, когда вы обнаруживаете у себя в штанах майского жука. Он гневно прошипел:

- Ну всё... Это война! – С этими словами он угрожающе ударил копытом по земле и воскликнул: - Генералов ко мне! – Тут началось что-то поистине звезданутое. Всё то, что я видел до того в этом безумном мире, не могло сравниться с тем безумием, которое началось в сей момент.

Да-а-а, Эквестрийская война такая суровая... Он повернулся ко мне спиной и разговаривал с тремя воображаемыми генералами, которые «окружали» его. Этот псих отдавал им командирским тоном, не терпящим возражений, приказания, сухо описывал преимущества и недостатки противника, постоянно сверяясь с невидимыми донесениями разведчиков и тыкая в «карту» (вырванный листок из блокнота). Слушал их донесения, дотошно осведомлялся о состоянии войск в общем, об их боевом духе. По-отечески обнимался с генералами, желая им удачи перед их «уходом на войну».

После этого он обратился с речью к своей доблестной армии, в самых ярких красках расписав подлость и гнусность соседей, приободрял своих солдат, говорил, что «наше дело правое», что «враг будет разбит», и что разбит он будет «малой кровью, могучим ударом».

Проделав это, он снова соизволил развернуться ко мне и бесцеремонно указал на меня копытом, едва не ударив меня по лицу:

- Что ж, сдавайтесь, сударь. Вы же не хотите кровопролития между нашими двумя народами, не так ли? У нас больше войск, один наш brave солдат стоит сотни ваших, множество союзников в любой момент готово прийти нам на помощь! Вы обречены! Пожалейте свой народ, во имя всеобщего блага, о беспощадный тиран и сдайтесь добровольно. Мы гарантируем вам почётную капитуляцию.

- Ну, так и быть. – Едва сдерживая смех, произнёс я. Дальше произошло именно то, ради чего я согласился на этот «мир». Теперь он на протяжении где-то получаса беседовал сначала с генералами, потом выступал перед своим народом, перед «победоносной» и «славной» армией, которая действительно разбила врага «малой кровью» и «могучим ударом». Обсуждал со мной, с моими и своими дипломатами условия мира (я согласился почти на все «условия», хотя пару раз возразил, что привело к буре эмоций со стороны сумасшедшего) и, в конце концов, он с помпой и фанфарами отпускал пленных моей страны по домам. «Во даёт» - подумал я (то бишь, худший в истории король), когда уставший от

великих свершений правитель всей Эквестрии утомлённо, но с нескрываемым чувством собственного достоинства, гордо поднятой головой и видом победителя побрёл к своей койке. И, даже плюхнувшись на кровать, он, отпивая воображаемое вино (воду из стакана), мудро и справедливо вершил судьбы государства и то и дело успешно разрешал многие внутренние проблемы: что-то бормотал себе под нос, отдавал приказы гонцам, губернаторам, дворянам, и так далее.

Но я скоро перестал его слушать, снова прилёг и повернулся к стене. Где-то около двух часов я пролежал, и, наконец, когда солнце стало потихоньку вылезать из-за гор, и первые пони вышли на улицы безмятежно спящего городка Понивилля, то я, усыпленный монотонным бормотанием Императора-Всея-Эквестрии, тихо и мирно заснул... Наконец-то...

Разбудил меня скрип ключей в замочной скважине. Солнце светило уже вовсю, за окном слышался весёлый гомон многочисленных пони и пение птичек. Полагаю, сейчас было около часов десяти утра. Воистину удивительно, что я проснулся там, где я ожидал.

В нашу комнатку вошли двое, судя по головным уборам, врачей. Если бы я мог, то бросился бы к ним на шею, ибо ночь, проведенная в обществе двух психов, это было что-то воистину изматывающее, несмотря на то, что наблюдать за вторым сумасшедшим было довольно забавно. Страшно хотелось пообщаться с нормальными люд... Фу, да чего это я? С нормальными пони.

Два моих сопалатника не обратили ни малейшего внимания на вошедших, и продолжали храпеть в такт, но их это и не касалось. Одна из них, кобылка, с улыбкой сказала мне:

- Пройдёмте с нами. – Я отказываться не собирался. Правда, я не знал, куда меня поведут – возможно, на суд, за кражу яблок, но их пришествие подавало хоть какую-то надежду на спасение. Пока меня выводили за дверь, второй (жеребец), с милейшей, отеческой улыбкой на лице разъяснил мне, что сейчас меня поведут к психиатру, который проведёт со мной беседу. Вот он, мой шанс на спасение! Я заметно воспрянул духом.

Пока меня вели по коридору к кабинету, одна лишь мысль не давала мне покоя: чего же я скажу этому психиатру?!

Глава III

Пришёл, увидел, победил!

В которой читатель узнает, зачем же нас в школе заставляют учить литературу. Кроме того он узнает, при каких обстоятельствах великий римский император очутился на приёме у психиатра.

Итак, меня привели в кабинет, и, хлопнув дверью, оставили меня наедине с психиатром. Его кабинет представлял собой довольно просторную комнату, в центре которой стоял стол, заваленный бумагами. На белых стенах висело несколько средней паршивости пейзажей, а на тумбе был водружён аквариум. Вот, пожалуй, и всё, что можно сказать интересного об этом ничем не замечательном помещении.

Психиатр – немолодой пони с тёмно-синей шерстью, серой гривой и козлиной бородкой (забавно, пони с козлиной бородкой), в великообразных очках, нелепо нацепленных на нос, занимал место за столом, уткнувшись носом в газету. Прошло секунд пять, прежде чем он в кои-то веки заметил меня, зашевелился, скептически кашлянул (в адрес газеты, надеюсь), шустро скомкал газету и швырнул её в мусорку, стоявшую неподалёку.

- Та-а-ак-с, прошу, садитесь. - Сказал он своим хрипловатым голосом, поправил огромные очки и радушно улыбнулся. Я (слава Селестии), ни разу не был на приёме у психиатра, и чего он может выкинуть, я просто не знал, и знать не мог. Я кивнул, на всякий случай натащил на лицо самую дружелюбную улыбку, которую только мог сделать (при этом постаравшись не выглядеть идиотом), после чего сел на стул. На протяжении нескольких мгновений психиатр внимательно изучал меня с головы до копыт, но потом вытащил из

тумбочки блокнотик, карандаш, и, наконец, представился:

- Меня зовут Экхам. Ваше имя? – По привычке я едва не ляпнул «Юрий», как вдруг светлая мысль озарила мой смущённый разум...

- *Гай. Юлий. Цезарь.* – Отчеканил я, едва сдержав хитрющую ухмылку. Действительно, какой резон мне открывать моё настоящее, но совершенно обыкновенное на Земле имя, если я нахожусь в другом мире? Согласитесь, что примерить на себе имя величайшего Римского императора – это неплохая идея. Куда поэтичней прозаичного «Юрия». В ответ на это психиатр слегка кивнул, после чего чиркнул карандашом в блокноте. Чего же он там такого записывает?..

- Насколько я понимаю, вы - художник? – Спросил он, взглянув на меня из-под приспущенных очков. Хорошо, что он спросил, иначе я рисковал бы во время последующего разговора здорово сесть в лужу. Как же я мог забыть о том, что у меня на боку метка с изображением мольберта? И действительно, в каком-то смысле моя принадлежность к братии художников правдива, ибо я довольно сильно увлекался рисованием в реальной жизни и уже около трёх лет учился рисовать на графическом планшете, и получалось у меня довольно-таки неплохо. Правда, картинками, нарисованными карандашами или же красками, я не портил бумаги уже очень давно.

- Ага. – Хмыкнул я.

- Хорошо. Откуда вы... Родом, Гай Юлий Цезарь?

Нет, ну это уже полицейский допрос какой-то, а не безобидный приём у врача. Хотя ладно, правила игры здесь устанавливаю не я, придётся импровизировать. И я, набравшись наглости, начал творить...

Остаётся надеяться, что в своём рассказе я был последователен и выглядел достаточно уверенно (хоть временами и запинаясь), и что история моя была более-менее связной. Как мне кажется, прокатить должно – будь я на его месте, поверил бы, настолько я вдохновлённо вжился в роль обиженного судьбой-злодейкой несчастного пони (вот мне и пригодились в жизни пять лет занятий в школьном театральном кружке), у которого когда-то было всё – семья, деньги, спокойная, размеренная жизнь, а теперь нет ничего.

Чего же я такого наплёл, спросите вы? Какой лапши я навешал на уши этому Экхему?

Итак, забудьте о том, что я - человек. На самом деле я – *простой художник из Мэйнхеттена. Жил я себе тихо-мирно в своей квартире вместе с семьей, рисовал обыкновенные картины, дни текли один за другим, короче - ничего особенного не происходило. Как вдруг...*

Несчастье! Страшная беда постигла меня и разрушила всю мою жизнь! Пожар! Под аккомпанемент треска пламени и криков о помощи, в палящей симфонии смрада, огня и дыма я, не жалея себя, едва не погиб, мужественно вызволяя родных из плена бушующей стихии. Но, судьба не была к нам благосклонна, и проход, через который я и уцелевшие члены моей семьи могли спастись, завалило балками. И эту проблему решить было невозможно. Мы, увидев и осознав это, заплакали, обнялись в последний раз, попрощались с жизнью и друг с другом, легли на пол и закрыли глаза... Надежды на избавление больше не было...

Очнулся я уже в больнице. Оказывается, я был единственным, кого спасатели смогли вырвать из цепких лап смерти. Все мои родные, все, все до единого погибли в этом адском пламени.

Печали моей не было границ. Несколько дней я оплакивал погибших... Поскольку почти ничто меня более не связывало с суетой большого города, я решил исполнить свою давнюю мечту – съехать из этих ужасных каменных джунглей в тихий городок под названием Понивилль. Оправившись спустя несколько времени, я обратился в страховку, получил деньги, собрал скудные остатки моего имущества, простился со всеми своими друзьями, знакомыми, приятелями и отправился в дальний путь...

Но, страшное несчастье постигло меня снова. Бриллиантовые псы подстерегли меня чуть ли не сразу после того, как я сошёл с поезда и уволокли в кусты. С большим трудом я умолил

их о пощаде, и они даже пальцем меня не тронули, но, как бы то ни было, они отняли у меня всё до последней монеты...

- И вот, в таком ужасном, подавленном состоянии, я на последнем издыхании доплёлся до яблочной фермы в Понивилле. - Завершил свою проникновенную речь я, горестно вздохнув. – Дальше вы, наверное, всё знаете.

Ответом на мою тираду было лишь то, что психиатр снова равнодушно кивнул, снова коротко чиркнул что-то в своём таинственном блокноте, и снова обратил взор своих прищуренных глаз на меня. Мне даже как-то обидно стало. Как-никак, я тут ему душу излил, а он...

- Та-а-ак-с... - Его интонация не предвещала ничего хорошего. Неужели не поверил? От этой ужасной мысли я стиснул зубы, но, по счастью, сумел сохранить невозмутимое выражение лица.

– Что ж, Гай Юлий Цез...

- Можно просто Цезарь. – Прервал я его, не ожидая от себя такой смелости. Он, опешив не меньше моего, бросил на меня неодобрительный взгляд и продолжил:

- Что ж, Цезарь... У меня есть к вам ещё несколько вопросов...

Не вижу смысла описывать наш дальнейший разговор. Скажу только, что чем больше мы беседовали, тем спокойней и расслабленной выглядел мой мучитель. В процессе он продолжал упорно записывать что-то в свой таинственный блокнотик.

Когда вопросы исчерпались, то психиатр кивнул, довольно хмыкнул, закрыл блокнот и положил его в тумбочку вместе с карандашом. После этого он торжествующе произнёс:

- Поздравляю вас. Вы совершенно здоровы. – Радости моей не было предела. Вспомнилась Рэйнбоу с её коронным «ohmygoshohmygoshohmygoshohmygoshohmygosh», но я сумел сдержать вихрь эмоций и с чистой совестью пожал протянутое мне копыто.

- Прошу прощения за то, что вам пришлось потратить здесь время впустую. Эпплджек нам так ярко расписала ваше безумие, что у нас сомнений никаких не было, что вы не в себе.

- Так это она притащила меня сюда?..

- Да-да, именно. Привезла вас в тележке. – Тут он засмеялся – спящего так крепко, что даже звон всех Кантерлотских колоколов вас не разбудил бы.

Так-так, с ЭйДжей я ещё разберусь потом...

- Позвольте поинтересоваться... - Обратился к нему я.

- Нда-да?

- А кто эти двое, с которыми я лежал в одной палате?

- А, эти... Первый это господин Иконий, историк. Представляете себе, он писал книгу по истории Эквестрии, как вдруг ни в одном из источников не нашёл какой-то там... Даты. Родня его до нас едва дотасила – настолько его потряс сей возмутительный факт. Надо сказать, он никогда не отличался особо приятным нравом, а после своего помешательства – так вообще. Второй месяц уже с ним бьёмся, всё никак не завершим начатое. Хорошо ещё, что он теперь поспокойней стал, раньше вообще невозможно было с ним рядом находиться.

– Я хихикнул, вспомнив его «великие свершения», после чего спросил:

- А второй?

- А, этот... Махнул копытом Экхем. – Это наш «ветеран». Полгода уже у нас торчит тут. При каких обстоятельствах он свихнулся – неясно. Пока был нормальным, продавал себе всякие там фрукты овощи. А потом оп – и стал вместо них втюхивать всем вокруг несуществующие, бесполезные вещи.

- Да уж, это я уже... На себе испытал. – Тихо проворчал я.

- А ведь хороший парень был. – Невозмутимо продолжал психиатр. – Ну да ладно, и его вылечим.

- Ну... Спасибо вам за всё, доктор, я, пожалуй, пойду...

- Да, конечно. До свидания.

- До свидания! – Помахал ему копытом я, находясь уже у порога. Вдруг, Экхем встрепенулся

и крикнул:

- Пойдите! – Я обернулся. - Обратитесь к мэру, говорят, как раз пара домов, из которых съехали хозяева, свободна.

- Спасибо!

- А если понадобятся деньги, обратитесь тоже к мэру. Она расскажет вам, что делать, вы же вроде как без единого гроша за душой. В конце концов, если будете очень нуждаться – обращайтесь ко мне. Помогу, чем смогу.

После бесконечных вежливых прощаний, благодарностей и инструкций я, наконец, покинул кабинет и дружелюбного врача, а вслед за этим и здание, в котором мне довелось провести самую странную ночь за всю мою жизнь.

Я вышел на свет Селестиев и с непривычки зажмурился от яркого солнечного сияния. Что ж, всё оказалось не так просто, как я ожидал, но теперь я на свободе, полный решимости, и, что главное – я знаю, что мне делать в самом ближайшем будущем! Возможно, ради этого стоило один раз побывать в дурдоме.

Пока что лишнего внимания к своей, как говорил сумасшедший историк Иконий, «царственной» особе я привлекать не хотел. Где была мэрия, догадаться было несложно, и я просто пошёл в центр, ни у кого не о чём не осведомляясь, ни с кем ни о чём не заговаривая. А вокруг меня кипела, бурлила жизнь. Солнце было ещё не в зените, и городок крайне оживлённо шумел, ибо болтовня, споры, смех, редкие возгласы и стук копыт по земле слились в единый голос. Пони всевозможных расцветок, с разнообразнейшими причёсками, пони различных возрастов и полов постоянно попадались мне на пути. Некоторые не обращали на меня ни малейшего внимания и проходили мимо, занятые своими делами или же болтая между собой. Некоторые бросали на меня недоумевающие или же пытливые взгляды. Кто-то тут же отворачивался, кто-то на протяжении какого-то времени продолжал внимательно меня изучать. Кто-то потом даже перешёптывался со своим соседом.

Но больше всего, конечно же, в данный момент я опасался встречи с Пинки Пай. Если вы вспомните самый первый эпизод, то поймёте, почему...

Несколько раз мне попадались знакомые лица – кажется, в толпе я разглядел Бон Бон и доктора Ктокопыто, а также пару-тройку пони, имён которых я вспомнить не мог. Кроме того, в небе со скоростью молнии пронеслась Рэйнбоу Дэш, скорее всего, отрабатывающая очередной трюк.

Любопытно, что Понивилль оказался чуть ли один в один таким же, каким его изобразили в сериале. Всё так же мирно, красиво, дружелюбно и идиллически. Пару раз я останавливался, чтобы рассмотреть тот или иной дом, и с удивлением осознавал, что это самое здание я уже видел в одной из серий. В любом случае, до городской ратуши я добрался без приключений. Хоть это пошло по плану.

После недолгого разговора в мэрии, который я, опять же, не вижу смысла описывать, ибо после приветствий я всего-то представился, повторил свою душераздирающую историю, и осведомился, «где у вас можно тут корни пустить». Оказывается, один домик был свободен. Хорошо, что он находился на окраине; сейчас лучше слишком не «светиться». Потом последовала недолгая разборка с документами-бумажками. Затруднительней всего мне было расписаться. Еле-еле, с огромным трудом, я, сжав ручку в зубах, накалякал какую-то непонятную косо-кривую закорючку, которая отдалённо напоминала мою настоящую подпись. Одно мне осталось непонятным – почему у меня не спросили каких-либо документов, которые бы подтверждали, что я - действительно тот, за кого себя выдаю. Возможно, здесь замешана какая-то хитрющая магия. Ручка, что ли, у них заколдованная? Проблема с деньгами тоже была решена вскорости – мне был выдан небольшой заём, по меньшей мере половину которого я должен был отработать в течение месяца. Как это сделать, я пока что не имел ни малейшего понятия...

Здание мэрии я покидал в ещё более вдохновлённом состоянии духа, чем то, с которым я в него входил: всё-таки, не каждый день вам дают начать житие-бытие с абсолютно чистого

листа.

У меня было всё для того, чтобы начать здесь новую жизнь: немного денег, крыша над головой и, конечно же, вера в светлое будущее.

Мой пыл немного поутих, когда я преступил порог моей новой хижинки. Вам не послышалось, именно что *хижины*. Мебели в сием славном одноэтажном строении не было совсем, за исключением уродливого, ветхого деревянного столика и сиротливо притулившегося в уголке потрёпанного дивана. Вместо занавесок на окнах висели какие-то непонятного вида и цвета тряпки. Повсюду пыль, грязь, паутина. На обшарпанных стенах были несообразно наклеены клочки давно выцветших обоев. Комната - всего одна (хоть и с камином), неприглядная уборная, доисторическая ванна и подвальчик (по сравнению с которым Северный Полюс показался бы тропиками) не в счёт. Исследовав свои небольшие владения, я невольно ахнул и аж сел на землю. Начать жизнь с чистого листа, говорите? Кхм. Грязноват лист, вам не кажется?..

Как бы то ни было, главное – не падать духом. Пока я в задумчивости зашторивал окна, предохраняясь от любопытных глаз, мне почему-то вспомнилось несколько строчек из одного стихотворения Тютчева:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне*

Я вздохнул и плюхнулся на встретивший меня ужасным скрипом и треском диван. «Молчи, скрывайся, и таи...» - пробормотал я с закрытыми глазами и потёр лоб копытом. Так. Надо действовать. Для начала неплохо было бы смотаться на рынок, купить чего-нибудь поесть. Я был настолько голоден, что казалось, сейчас съем даже этот диван; у меня и маковой росинки во рту не было со вчерашнего дня. Только чуть-чуть воды выпил в палате. Во-вторых, надо купить бумаги, ведь я, как-никак, художник! Пфф... *Художник...* Сомневаюсь, что я смогу сотворить что-нибудь стоящее, держа инструмент не в руках, а во рту. Я бы сейчас голову на отсечение бы отдал, если бы мог вместо копыт получить нормальные руки.

Но, делать нечего. Надо выкручиваться. Можно одарить местных благами импрессионизма, ибо это требует куда меньших навыков, и можно будет бездумно следовать принципу – «нарисовал-уродливо-зато-сколь-мыслей-и-чувств-в-картине-выразил» Хотя, навряд ли получится. Это у нас импрессионизм – целое направление. На одного художника, который так будет писать картины, они наверняка посмотрят как на психа, и опять посадят меня в пресловутый сумасшедший дом... Бррр, у меня уже фобия какая-то...

Охваченный этими невесёлыми мыслями, я на полном автомате пробормотал: «Сижу за решёткой в темнице сырой...» - Стойте-ка...

*Сижу за решёткой в темнице сырой
Вскормлённый в неволе орёл молодой
Мой грустный товарищ, махая крылом
Кровавую пищу клюёт за окном!*

Пушкинские строки пришли мне на ум, и пришли мне не просто так, а привели с собой спасительную мысль. Я бодро вскочил с немилосердно скрипящего дивана, и по моему лицу расплылась широкая, довольная улыбка.

Э-ВРИ-КА, черт её побери, Э-ВРИ-КА!!!

Я поспешил отправиться в новый, не менее опасный и трудный поход по Понивиллю за продуктами, бумагой, а также за веником и прочими предметами «роскоши», с помощью которых приведу свою хатёнку в более-менее приличный вид. Не терпелось приняться за работу.

Поначалу всё пошло относительно гладко. Мне не составило труда закупить еды, похоже, что день был воскресный (или как это тут в Эквестрии называется), рынок был открыт для

всех желающих. На вопросы рыночных пони, кто я таков и откуда взялся, я коротко отвечал: «новенький», на что мне ответствовали поздравлениями с новосельем и предлагали отметить. Слишком уж дружелюбны тут все, даже странно. Я говорил, что не отвергаю такой возможности, но, (по крайней мере, сейчас) я страшно занят.

А вот после покупки веника меня поджидала неожиданность: Твайлайт Спаркл...

После того как я покинул уютный магазинчик с предметами быта, то, погружённый в свои думы, не заметил, что нос к носу столкнулся с Твайлайт, спокойно шедшей по своим делам.

- Извини, Твай... - Я запнулся. Чёрт меня дёрнул сказать её имя!! Видимо, Твайлайт была удивлена не меньше моего, и, хоть и с удивлённой интонацией в голосе, но нашлась, что ответить:

- Эм... Это вы меня извините, но... Кто вы... Такой, и... Откуда вы знаете моё имя? – Оцепенела она. Надо было действовать быстро, решительно:

- Эээ... М-меня зовут Цезарь, да! Будем знакомы-очень приятно-до-свидания! – Выпалил я на одном дыхании, и, натянув на лицо дружелюбную улыбку, пожал ей копыто.

- До свидания... - В полном недоумении произнесла фиолетовая пони. Я не стал медлить и скорым шагом скрылся в толпе. Ради всего съестного, лишь бы она не подняла особого шума!..

Вернувшись домой, я в первую очередь с огромным удовольствием закусил свежеприобретёнными яблоками, после чего, воздав хвалу своей незабвенной учительнице по литературе, Галине Андреевне, сел... Не рисовать, как я хотел сначала. Я сел писать стихи. Ну, не то что бы писать...

«Погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой...» - задумчиво бормотал я, грызя карандаш и изо всех сил пытаюсь вспомнить, что же там было дальше.

«С свинцом в груди и жаждой мести... Жаждой мести...» - Продолжал соображать я - «... Поникнув гордой головой!» - Торжествующе воскликнул я. Ай да Цезарь, ай да сукин сын!

Короче, если вы ещё не догадались, чего я придумал, тогда поясню: я решил переписать те стихи, которые когда-то задавала нам зубрить дома наша училка по литературе. Гениально же! Кто сможет здесь обвинить меня в наглom плагиате? Никто. Откедова им знать, кто такой Пушкин, Лермонтов, Тютчев, и прочие классики? Ниоткуда. Главное, чтобы память не подвела. Но у такого метода, имелись, конечно, свои недостатки, и причём серьёзные.

1. Стихотворения рано или поздно закончатся, но, на моё счастье, Галина Андреевна усердно исполняла свой преподавательский долг, и уже давно начала нас прям-таки пичкать зубрёжкой на дом.
2. Память у меня неплохая, но я всё ещё простой смертный, и, естественно, что-то я подзабыл, что-то вообще выпустил из памяти за давностью лет.
3. И, наконец, придётся переделывать стихотворения под местные реалии. Возьмём, к примеру, Лермонтова:

Нет, я не Байрон, я другой

Ещё неведомый избранник

Сомневаюсь, что в Эквестрии жил Байрон хотя бы в количестве одной штуки. Так что бездумно переписывать – это не наш метод. К сожалению, у меня никогда не было особой тяги к поэзии, я уж молчу о том, чтобы сочинять что-нибудь своё. Так, высосал из пальца пару уродцев когда-то давно, но это не в счёт.

Ну да ладно, это все ждёт меня в дальнейшем. Сейчас меня волнует лишь настоящее.

«И вот: на мне кафтан с громадными карманами, а в руке моей не стальное, а гусиное перо. Передо мною горят восковые свечи, и мозг мой воспален.»

Казалось бы, при чём тут Булгаков?..

Остаток дня я провёл в тяжёлых умственных напряжениях. Грызя карандаш, в муках душевных ломая голову и меряя шагами комнату, я вспоминал, вспоминал, вспоминал,

вспоминал, вспоминал... Мне бы хоть один томик Лермонтова сейчас... Хоть один... Эх... Терпи, Цезарь, знаменитым на всю Эквестрию поэтом будешь!

Как бы то ни было, к вечеру «собрание сочинений» было готово. Под моё горячее копыто попали многие стихотворения, и, я уверен, что, догадайся кто-нибудь в реальном мире подсоединить к гробам этих, как юла вертящихся в своих гробах авторов электрогенераторы, то он совершенно бесплатно получит море электроэнергии; где-то я довольно-таки сильно поменял многие слова, где-то попросту убрал строфы, где-то добавил отборной отсебятинки, ну а где-то вообще в корне изменил всё. И не всегда в лучшую сторону. Искусство требует жертв, как-никак!

Засыпая, я думал о том, куда мне теперь податься с этой кипой бумаги, на которой неаккуратным почерком было начертано великое множество слов.

Решу завтра. Утро вечера мудренее.

Глава IV

"Крив был Гнедич Цезарь-поэт Преложитель творцов прославленных"

В которой описывается один действенный метод для заведения знакомств. К сожалению, кто такой Инфаркт, а также то, как к себе в рот можно засунуть ноги, в этой главе останется полной тайной.

Заря занималась над Эквестрией. Утреннее солнце, лениво выползавшее из-за горизонта, щедро разбрасывалось своими лучами над землей, повсюду пробуждая жизнь. Улетали мотыльки, ужужживали к себе комары, а ежи, громко шурша растительностью, прятались в свои обиталища. Всё ликовало перед лицом восходящего солнца; распускались бутоны ярких цветов, всяко-разное зверьё вылезало, выползало, выбегало и вылетало из своих норок, деревьев и рукотворных домиков. Ночная жизнь уходила, уступая место дневной, согласно бессмертному завету матушки-природы.

Некоторые из упавших лучиков, озаряя всё вокруг себя ярким солнечным сиянием, настойчиво полезли в маленький домик на окраине Понивилля, где на ветхом диванчике прикорнул тёмно-оранжевого окраса пони с длинной гривой цвета спелых мандаринов. Ослепительную яркость его шевелюры скрашивали две чёрных как дёготь полосы; одна на чёлке, а другая, побольше, где-то в центре. Ощувив на своём умиротворенном лице солнечный свет, проникающий сквозь занавешенное окошко, пони сморщился, пробормотал что-то нечленораздельное, и повернулся на другой бок, к стене мордой. Но лучи не сдавались и продолжали исправно выполнять свой долг, так что несколько минут спустя пони-таки раскрыл тёмно-желтые глаза, широко и сладко зевнул, потянулся, после чего зевнул ещё раз и, встряхнув головой и окончательно сбросив с себя сонный дурман, спрыгнул на пол.

Возможно, мой благосклонный читатель уже догадался, что этот пони – не кто иной, как... Я. Если же он не дошёл до этого своим умом, то – вот, сообщаю. А теперь давайте же я продолжу свой рассказ.

Итак, наступил новый день. День, который, возможно, определит мою дальнейшую судьбу в этом сне. Первым делом нужно смотаться к Твайлайт – надо всё-таки объясниться с ней, надо почтить её «мои» стихи и, надо, в конце концов, просто пообщаться с ней. Круто же! Пообщаться с Твайлайт Спаркл! Это, должно быть, интересно и увлекательно до чрезвычайности.

Так я думал, будучи уже на пути к библиотеке. На спину мою были водружены немаленькие сумки с драгоценными рукописями, грива была аккуратно причёсана, а глаза с преогромным любопытством изучали утренний Понивилль. Как это ни странно, на улицах не было почти никого – хоть шаром покати. Лишь несколько прохожих прошествовали мимо меня, но они были настолько поглощены беседами между собой, что не обратили на меня ни малейшего внимания.

Когда я, наконец, добрался до библиотеки, то стоило мне занести копыто чтобы постучаться, как внезапно меня-таки осенило; с чего это я решил, что мне откроют, и, что главное, что мне будут рады? Вполне очевидно, что сейчас ещё довольно рано, вдруг Твай спит? Кроме того, я вспомнил о разговоре между Эплблум и Эплджек, во время которого последняя говорила что-то о Гранд Галопинг Гала. Может быть, я ошибаюсь, но Г.Г.Г случился именно этой ночью... В таком случае, столкнувшись мордой к морде с Твайлайт, я рискую не только не получить от неё внятных ответов на интересовавшие меня вопросы (если она вообще дома), но, скорее, получить тумака, причём основательного (вот тебе и Дружбамагия!). Нет уж, спасибо. Я лучше пойду, э-э-э... А... Куда? В данной ситуации самый верный вариант – пойти и попытаться завести с кем-нибудь знакомство. Не могу же я целуюсь вечность в гордом одиночестве сидеть в своей одинокой избушке на курьих ножках, возведённой где-то на задворках Родины, правильно?

Я резко развернулся, и, в глубокой задумчивости устремив взгляд в чистые, высокие, голубые небеса, направился в произвольном направлении. Постараюсь познакомиться с первым попавшимся мне пон...

«Бум!» - столкновение, удивлённый вскрик и падение, последовавшее незамедлительно.

Когда я, потирая ушибленный лоб, поднял голову, то увидел, что столкнулся ни с кем иным, как с... Доктором Ктокопыто! Так-так. А вот этот типус меня очень и очень интересует. Любопытно, чем он занимается, и кто он есть на самом деле.

- Ах, я извиняюсь... - сказал Доктор, вставая.

- Ничего страшного. – Приветливо улыбнулся я и протянул ему копыто. – Меня зовут Цезарь, а тебя? – Интересно, сколько ещё знакомств мне придётся завести таким вот методом? Методом тыка (хе, методом тыка в окружающих), я бы даже сказал.

- О'Клок. – Пожал протянутое копыто Док... Клок. Оказывается, он не тот, кем его принято считать в пони-сообществе. Интересно, интересно.

- Очень приятно! – Кивнул я и продолжил: – Я, это, тут вчера только поселился, так что не знаю, что здесь, как, и где. Вот, сейчас шёл к Твайлайт Спаркл, хотел ей стихи свои показать. Но, не желая будить её, передумал.

- Ты шёл к Твай?.. – Смутился мой собеседник, но вдруг осёкся, как будто вспомнил что-то, заметно оживился и с неподдельным интересом спросил:

- Стихи-и-и-и?..

- Да – кивнул я, - стихи, а что?

- Что ж, стихи – это очень занятно... Как насчёт чашечки чая, а? Я бы с огромным любопытством почитал что-нибудь новенькое. – Тут его лицо приобрело скучающий вид, улыбка из добродушной и приветливой обратилась в слегка насмешливую, а глаза обрели томное выражение. – Всё-таки, как это ни прискорбно, поэтов в старом добром Понивилле нет. Да чего уж там, поэтов... – Он махнул копытом. – Пони, интересующихся серьёзной литературой – и тех здесь единицы. Все, все заняты своими повседневными делами, и до душевных переживаний, литературы и великих творений Эквестрийской философической мысли им дела нет...

Ого, неслабого я нашёл себе друга! Видно, что он славный парень, но, определённо, со своими параспрайтами в голове. Нет, ну Кто бы мог подумать, что Кто-то вообще в Эквестрии может мыслить подобным образом?

Я направился со своим новоиспечённым другом к его дому. По пути я поведал ему свою историю. Историю, полную драм, трагедий, и несчастий, которых в ней случилось больше, чем во всех этих Шекспировских «Ромео и Джульеттах», «Леди Макбетах» и «Гамлетах», взятых вместе и сваленных в единую кучу. О'Клок слушал меня молча, но очень внимательно, прислушиваясь к каждому моему слову. Несомненно, он постоянно жаждал чего-то нового; новых лиц, новых ощущений, новых впечатлений, новых знаний. И, похоже, что находить в обычных вещах что-то свежее, необычное, он не умел, и учиться не хотел. Такая уж натура.

-... Вот так я и попал к вам, в Понивилль. Ну, обустроился я довольно скоро, домик мне, по счастью, вручили задаром... - Договаривал я уже на пороге его дома (об эпизоде с дурдомом я, понятное дело, решил умолчать).

- Мы уже на месте. – Прервал меня Клок, открыл дверь и, наклонив голову, с шутливо-напускной вежливостью произнёс. – Добро пожаловать в мою скромную обитель!

«Скромная обитель» в ту же секунду поразила меня... Обилием часов. Часы висели на стенах с однотонными обоями, часы стояли на тумбочках, часы стояли на шкафах, часы стояли на прилавках. И всё это великолепиие в такт (!) тикало, бумкало, гремело и звенело, сливаясь в единую, довольно необычно звучащую симфонию. И лишь по прошествии нескольких секунд я-таки оправился, и, как ни парадоксально, эти звуки мне даже стали нравиться!

- Ну как? – Заглянул ко мне в глаза Клок. Наверное, я выглядел глупо (с разинутым ртом и выпученными глазами-то). Я ничего не ответил, а лишь одобрительно покивал. – Буду считать, что тебе понравилось... - Заулыбался он, и затем договорил: - Ладно, пойдем!

Я, молча, всё еще пребывая в лёгком шоке, последовал за О`Клоком к лестнице, ведущей на второй этаж. Находясь уже на втором этаже (в уютной и довольно просторной комнате, обставленной явно с умом, толком и знанием дела), я спросил:

- Так ты, как я понимаю, часовщик?

- Да-да, часы – это моя жизнь и главная страсть! Вторая – это литература. А ведь в этом городке... – Скучающее выражение вновь промелькнуло на его лице, но вдруг в момент потухло, и весёлые огоньки опять заплясали в его глазах. – Короче, неважно. Ты тут обустраивайся, а я пойду, чаю поставлю.

Пока Клок возился на кухне, я от нечего делать стал прохаживаться по комнате. Светлые обои, красноватые, пышные ковры, два больших дивана перед столом, несколько тумбочек и два здоровенных книжных шкафа во всю стену каждый – вот, пожалуй, и вся обстановочка.

Видно, что владелец этой комнаты в ладах с головой, что договор о взаимопомощи он заключил с ней с самого рождения, и что не признаёт он творческого беспорядка.

Я коротко глянул на первую попавшуюся на глаза полку; мой пристальный взгляд пригвоздила в себе большая, толстая, богато украшенная книга в тёмно-красном переплёте, и на корешке её золотыми нитками, витиеватым почерком было вышито название:

«Древнейший Эпос и Сказания Эквестрии». «Хм... Любопытной Варваре на базаре... А, впрочем, пошло оно всё в Вечнодикий лес...» - подумал я и взял книгу.

- Клок?

- Да-да? – Откликнулся тот, разливая чай по чашкам.

- А откуда у тебя это? – Я указал на свою находку – Очень интересная вещь, кажется...

- Это? – Клок бросил взгляд на книгу. – А, ну это, можно сказать фамильная ценность. Вот только я, если честно, не особо интересуюсь этими вещами. – Он занял место на противоположном диванчике. – А вот стихи я почитать никогда не прочь.

- Намекаешь на что-то? – Ухмыльнулся я, доставая свои бумаги из сумок.

Клок ничего не ответил, а лишь хитро прищурился. Я передал ему свою писанину, и он, открыв первый попавшийся стих, начал декламировать:

*Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С тоской в душе и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор*

*И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.
Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет, завистливый и душный
Для сердца вольного, для пламенных страстей?
Зачем копыто дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет познавший естество вещей?..
И прежний сняв венок, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.*

Вообще, я сначала не хотел переписывать это стихотворение... Думал, что эти реалии будут непонятны мирным Понивилльцам. Но потом решил, что на безлошадье и рысак — лошадь, и-таки написал. Судя по тому, как дрожал голос Клока к концу стихотворения и по тому, как он в полном молчании сидел в течение нескольких секунд, уставившись в одну точку, стихотворение попало в цель! Ииииха!

- Это... Это великолепно... - Вымолвил О`Клок. Он обратил ошалелый взгляд на меня и покачал головой - У тебя определённо талант...

- Ой, ну брось!.. — Заскромничал я как из приличия, так и потому, что на самом деле, никакого поэтического дара у меня никогда и не было. Мой собеседник отрицательно замотал головой и воскликнул:

- Талант, талантище! Жму твоё копыто! Это определённо должно быть издано!

- Неужто у вас тут издательство есть? — Удивился я.

- Да, более того, издатель — мой хороший друг. Он немного странный, скажу тебе по секрету, но парень неплохой. — Вдруг Клок хлопнул себя по лбу. — Ох, я же совсем забыл тебе сказать, у нас же тут литературный кружок имеется!

- Ух ты, правда?

- Да, я в нём тоже состою. Раз, а то и два в неделю мы собираемся, и обсуждаем серьёзную литературу, читаем стихи, и так далее.

- А Твайлайт там тоже состоит? — Поинтересовался я.

- Да... - Почему-то смутился Клок. — А что?

Что-то здесь определённо нечисто. Если он смущается при каждом упоминании Твай, то это неспроста...

- Да, ничего. – Пожал плечами я. – Так, спросил. – Вдруг меня понесло - Нет, ну просто я о Твайлайт слышал даже будучи в Мэйнхеттене, она, можно сказать, знаменитость, вот я и... Любопытствую.
- Да что ты говоришь? – Поразился Клок. – И чего о ней там могут говорить?
- А что-о-о? – С хитроющим выражением на лице протянул я.
- Эм... Да, ничего... Так... - Мой бедный собеседник совсем сконфузился и умолк. Я смилостивился над ним, и возобновил разговор:
- Давай сменим тему? – Клок встрепенулся, словно после минутного сна, и проговорил:
- Действительно! Так, так что там насчёт твоих стихов?.. – Он открыл следующий лист, кашлянул, пафосу ради, и начал читать вслух:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои -
Пуškai в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,-
Любуйся ими - и молчи.*

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,-
Питайся ими - и молчи.*

*Лишь жить в себе самом умей -
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,-
Внимай их пенью - и молчи!..*

Для меня это стихотворение было, пожалуй, наименее трудозатратным. Сплошные образы, метафоры и красивые слова – ничего менять не надо. Шикарно. Спасибо Тютчеву за это. После одобрительного кивка, недолгого, но торжественного и благоговейного молчания Клок мечтательно пропел:
- Ве-ли-ко-леп-но... - И тут же перешёл к следующему листу.

*Вечнодикого леса таинственной мглой
Окутан старик, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
На спине несёт сына усталый старик.*

*«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой».
«О нет, то белеет туман над водой».*

*«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Весёлого много в моей стороне;
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».*

*«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листья».*

*«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».*

*«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».*

*«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».*

*Отец оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Отец поспешает, отец доскакал...
На нём бездыханный младенец лежал.*

Время летело быстро. Попивая отменный чай, Клок зачитал ещё несколько стихотворений, и был «моим» творчеством страшно доволен. В промежутках между чтением мы с ним мило беседовали; он повествовал мне о своём житье-бытье тут, в «старом добром Понивилле», как он сам его называл, я же рассказывал ему выдумываемые на месте истории из своей прошлой жизни в Мэйнхеттене: о том, как же там душно, как утомительно это Мэйнхеттенское светское общество, как оно глупо и предвзято, и как я рад, что переселился сюда наконец – хотя бы и в результате череды страшных несчастий.

В итоге мы договорились так: я оставляю ему мои бумаги, в обмен на стопку книг, которые я у него занял. Сходка любителей литературы будет завтра, и на ней я презентую «свои» «творения» издателю, который тоже входит в кружок. Когда мы распрощались, я отправился в парк. Если те несколько десятков часов, которые старательно тикали и бумкали на первом этаже, не ввали, то сейчас было около двух часов пополудни. Впереди у меня ещё целый день...

Я поджал под себя ноги и устроился поудобней на лавке, после чего перевернул первую страницу.

Вместо того, чтобы читать у себя, в душной хибарке, я лучше почитаю здесь – на скамейке, в парке. Понивилльский воздух так свеж, Понивилльское солнце такое яркое и приветливое, Понивилльские деревья такие зелёные, а Понивилльские девы такие красивые... Кхм, э, что-то я заговорился. Короче, я устроился на лавке и принялся за чтение.

...И содержание здорового фолианта поглотило меня целиком и полностью... Вот уж и правда, ни в сказке сказать, ни пером описать. Несмотря на то, что странные архаизмы и устаревшие слова один за другим слетали на меня с пожелтевших от древности страниц, несмотря на то, что незнакомые названия стаями роились в моём разуме, ничто не могло остановить меня. Я никогда не интересовался русскими былинами, но сказания о славном богатыре Веканлие Эугаврийском, сказания о беснующихся разбойниках, о молодецких

поединках, сказания, которые придумал и изменял на протяжении столетий не кто-нибудь там, а сам народ Эквестрии, - в них я ушёл с головой... Словно сама древность открылась моему взору в эти мгновения – древность такая, что аж подумать страшно. Сколько тысяч лет назад это было? Две?.. Три?..

*...Из того ли-то из города из Эугавра,
Выходил удаленький дородный добрый молодец;
И хотел попасть он во стольный
Кэленай-град,
Да и проходил он мимо славного городу
Да Чардану.
У того ли города Чардана
Нагнано-то силушки черным-черно,
Ига чёрного, да злоецега
А и черным-черно, как черна ворона;
Так пешим никто тут не похаживат,
На повозке никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал стрелой каленой бить
Да стал копьем колоть,
А и побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чардан-град.
Выходили мужички да тут чардановски
И отворяли-то ворота во Чардан-град,
А и зовут его в Чардан воеводю.
Говорит-то им Веканлий да таковы слова:
«Ай же мужички да вы чардановски!
Я нейду к вам во Чардан воеводю.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Кэленай-град».
Говорили мужички ему чардановски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
А и ты славныя богатырь Эугаврийский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
А и по той ли по дорожке прямоезжею
Да и пешим никто да не прохаживал,
На повозке никто да не проезживал:
Как у той ли-то у грязи-то у черной,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Леваниды,
Сиди разбойник Огахрей во сыром дубу,
Сиди разбойник Огахрей Одихмантьев сын;
А то свищет Огархрей да по-соловьему
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли-то, от посвисту соловьяго,
И от его ли-то, от покрику звериного,
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,*

*Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть пони, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А и окольной дорожкой цела тысяща»...*

Я, погруженный в чтение, машинально перевернул очередную страницу, как вдруг рядом со мной кто-то на очень высокой ноте вскрикнул, или, лучше сказать, громко пропищал:

- ПРИВЕТ!

От неожиданности я вытаращил глаза и заорал прям-таки в ответ привычное:

- ВРОТМНЕНОГИ!!! – И тут же с испугу рухнул с лавки на землю.

- Хи-хи-хи... - Пинки Пай (а это была она, коварная), захихикала, хрюкнула и сквозь смех спросила: - Как ты можешь засунуть к себе в рот ноги?

- Уф... Да меня из-за тебя чуть инфаркт не хватил! - Пинки развеселилась ещё больше и засмеялась:

- Инфаркт? Кто такой Инфаркт? Смешное имя! – В порыве хохота она ещё раз хрюкнула. - А что ему от тебя надо? – Typical Pinkie... Не прибавить и не убавить, как говорится. Я решил не вдаваться в подробности медицинского характера (впрочем, чего это я, я сам в медицине ни бум-бум), и представился:

- Меня Цезарь зовут. А тебя?

- Я – Пинки Пай, а ты, как я погляжу, новенький, а если ты новенький, значит ты здесь недавно, а если ты здесь недавно – тут Пинки затараторила... - аеслитыздесьнедавнозначитутебянет

друзейаеслиутебянетдрузей... - Так-с, где-то я это уже слышал... Надо скорее остановить её, пока она не натворила глупостей. – значитюдинокаеслитыюдинокзначиттебедолжнобыть... - Я протянул переднюю ногу (или руку?) и заткнул ей рот, после чего со спокойной улыбкой прервал её:

-...Значит, ты хочешь устроить вечеринку. Правильно? – И вытащил своё копыто из её незатыкающегося рта.

- Оооооох-ты!! – Выдохнула Пинки Пай и, слегка наклонив голову, удивлённо вытаращилась на меня – Как ты узна-а-ал? Может быть, ты... ШПИОН?! – Я немного смутился и произнёс:

- Эм... Нет...

- Глупенький, я же шучу! – Снова захихикала она и продолжила – А ты смешной, Лезарь!

- Да не Лезарь, я, я – Цезарь... - Тут я вспомнил, с кем я имею дело, и засмеялся вместе с ней – Ага, я тебя разгадал, коварная! Не-е-т, меня ты так просто не проведёшь!

Вдруг я увидел что в десятке метров отсюда идёт Флаттершай вместе со своим неотступным «стражем» - Энджелом (или Ангелом, чёрт знает!). Хм... Дело в том, что было бы неплохо завести с ней знакомство через посредство Пинки Пай, ведь на Флатти у меня были большие планы... Да-да... **БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ**. Пить с ней чай. А ты о чём подумал, мой озорной читатель? Ай-ай-ай...

А если серьёзно, то действительно очень хотелось с ней познакомиться, причём, возможно, с дальнейшим развитием отношений – ведь рано или поздно мне надо будет с кем-нибудь, да встречаться, не так ли? Не то что бы Флаттершай нравилась мне больше всех из "mane six", но, всё-таки, она послушная, тихая, добрая, и довольно-таки хозяйственная – прям-таки идеал жены. Это, конечно, я уже очень далеко заглядываю, но *всё-таки!*.. Другая проблема – навряд ли она подпускает к себе мужчин вообще (если что, её кролик – приятное исключение). А если и подпускает, то наверняка она в их обществе тише воды, ниже травы ещё более, чем обычно...

Глава V

My name is Pinkie Pie!

В которой главный герой узнает о качестве подготовки Понивильской разведки и о том, что нужно для счастья.

*...Он пошёл-то дорожкой прямоезжею.
С горы на гору стал перескакиват,
С холмы на холму стал перемахиват,
Мелки реченки, озерка промеж ног спуцал.
Прибывает он ко речке ко Левмниде,
Да ко тоей он ко грязи он ко чёрной,
Да ко тою ко берёзы ко покляпя.
Засвистал-то Оггархей да й по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земли вси преклонилися,
Удалой богатырь да Веканлий
А он на корзни да потыкается...*

Чтение увлекло меня с головой. Слова сплетались в длинные нити, и образовывали фразы, а фразы в свою очередь опутывали и очаровывали меня. "Аватар", говорите? "Терминатор"? "Властелин Колец", "Ведьмак", "Звёздные воины"? Пфф. Сказки для малых детей на ночь. А вот былины о Веканлие Эугаврийском – это да-а-а. Вот он, размах, вот она история! Около получаса прошло с тех пор, как Пинки ушла в неизвестном мне направлении, хитро прищуриив глаза и улыбаясь. Наверняка чего-нибудь задумала. Пустить меня на кексы, например... Хехе, Пинкамина Диана Пай. Приблизительно об её намерениях я догадываюсь: возьмёт и... Что бы вы думали? Устроит вечеринку!! Интересно только, каким образом она её устроит - у меня дома ли, в Сладком Уголке ли? М-да, я так и представляю себе, как орда голодных пони попряталась у меня дома по углам и с нетерпением ждёт моего прибытия, как знак к началу веселья. Впрочем, кого я обманываю? Неужто в моём домике есть углы, по которым можно прятаться? Почему-то я очень в этом сомневаюсь. Так что остаётся второй вариант - Сладкий Уголок. Пожужём-увидим, в общем. Впрочем, не это сейчас меня волновало, совсем не это. Вернее, меня сейчас ничто не волновало. Упади на Эквестрию тутошний аналог Нибиру, я, как мне кажется, не обратил бы ни малейшего внимания на это явление, право.

*...А й тут старья младец да Веканлий Эугаврийский
Да берёт-то он свой тугой лук розрывчатый,
Во свои берёт во сини он во копытушки,
Ён тетивочку шелковенку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
То он стрелил в того Оггархей-разбойника,
Ёму выбил право око со косичею.
Ён спустил-то Оггархия да на сыру землю,
Пристянул его ко поясу да ко кожсенаму,
Ён повёз его по славну по чисту полю,
Мимо логова повёз да Оггархиного.
Во том логове да Оггархином
А случилось быть да три дочери,
А й три дочери его любимых;
Больша дочка эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит ёна да таковы слова:
Идёт-то наш батюшка чистым полем,
Да тащит ён за собою мужичищицо-деревеницину.
Да ко поясу пристянутого.-*

*Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
- Идёт батюшко роздольцем читым полем
Да й тащит он мужичищицо-деревеницину,
Да й ко поясу шелковому пристянутого.-
Поглядела его меньша дочь любимая.
Говорила-то она да такову слова:
- Идёт мужичищицо-деревеницина,
Да й тащит-то нашего батюшка у поясу,
У поясу у кожаного пристянутого.
Ему выбито-то право око со косичею.-
Говорила-то й она да таковы слова:
- Ай же мужевья наши любимы!
Вы берите-тко рогатины звериныи,
Да и бежите-тко в роздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичищу-деревеницину.-
Эти мужевья да их любимыи,
Зятевья-то есть да Соловьиныи,
Похватили как рогатины звериныи,
Да и побежали-то они да й во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу-деревеницине,
Да хотят убить-то мужичищица-деревеницину.
Говорит им Оггархей-разбойник Одихмантьев сын:
- Ай же зятевья мои любимыи,
Побросайте-тко рогатины звериныи,
Вы зовите мужики да деревеницину,
В своё логово зовите Оггархиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы поите ёго питьицем медвянымим,
Да й дарите ёму дары драгоценные...*

Вдруг, бумажный самолётик подлетел ко мне и упал прямо на открытую книгу. Я, было, скорчил недовольную морду: отвлекают мол-де от чтения, сижу тут, понимаешь, никого не трогаю, починая примус... Но не смог – любопытство пересилило мою «тёмную сторону». Я оглянулся по сторонам – никого особо подозрительного обнаружено не было, вокруг маячили лишь тихо-мирно гуляющие пони, ни один из которых не замечал меня, или же просто пытался создать видимость этого. Даже ни один куст не шевелился. Да уж, думаю, ЦРУ стоит поучиться скрытности у агентов Пинки Пай! Будучи снедаем любопытством, я развернул самолётик... Там было написано следующее:

«Цезарь. Это срочно. Ситуация выходит из-под контроля. Твоё присутствие необходимо. Бросай все дела и поторопись к себе домой.

- Анонимный благодетель».

Я хмыкнул; чьих это копыт дело, догадаться было несложно – если с разведкой и шпионажем у Пинкипаевых агентов недурно, то представления о том, какими должны быть таинственные послания, они имеют лишь из дешёвых детективчиков. Ну что ж, хоть сказ о Веканлие Эугаврийском и интересен до жути и понячьего восторга, неправильно заставлять остальных ждать. Да и узнать, чего выкинет Пинки страсть как хочется. Я блаженно потянулся, разминая затёкшие конечности, слез с лавки, засунул книгу в сумку, после чего, напевая «Winter Wrap Up» поспешил к своему дому. Всю дорогу я чуть ли физически ощущал, как любопытство буквально сжигает всю мою сущность. «Любопытному пони нос прищемили в загоне», говорите? Не тот случай.

Вот я вышел из парка. Вот я иду по Понивиллю. Ух. Как же медленно... Дискорд меня

дёрнул забрести в другой конец города. Наконец-то, моя улица! Странно, на первый взгляд всё более чем обыкновенно; моё появление не привело ни к каким необычным последствиям; редкие прохожие всё так же продолжали заниматься своими делами, вокруг – лишь тишина и покой. Только птички чирикают. Хм... Из окон с криками «Сюрприз!» никто не повысовывался, никаких цветастых лент и украшений нету, фейерверков что-то слыхом не слыхивать и видом не видывать, как и впрочем, самой Пинки Пай. Ну, ладно. Посмотрим, что происходит у меня дома.

Я прошествовал ко своей двери и решительно открыл её. Я наивно полагал, что буду готов ко всему. Как же я ошибался, ведь
ОЛОЛОЛО, В РОТ МНЕ НОГИ, ТЫСЯЧА ЧЕРТЕЙ, ОХРЕНЕТЬ, ЧТО ЗА ЗВЕЗДЕЦ ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?!.. ПРЕСВЯТЫЕ ПАРАСПРАЙТЫ-Ы-Ы!!!

Пожалуй, слов во всех четырёх томах толкового словаря живого великорусского языка за авторством В.И. Даля в данный момент не хватило бы, чтобы описать степень моего искреннего, неподдельного ошеломления. Моя хибарка... Моя жалкая, грязная, пыльная и угрюмая хибарка... **ЧТО ОНИ С НЕЙ СДЕЛАЛИ?!** Она превратилась в такую красотищу, в такую прелесть и конфетку, что просто... Ну вообще. Где, где тот ветхий диван, который всегда скрипел так, что в ушах звенеть начинало? Нет его. Теперь вместо него мягкая, пузатая уютная софа в цветочках. Где те тряпки, что некогда гордо именовались занавесками? И их больше нет. Их заменили большие цветастые шторы. Гнилой расшатанный столик? Пришёл конец и его службе. Отныне и, возможно, во веки веков его работу будут выполнять изящные тумбочки и небольшой, но ладно сработанный письменный стол в углу комнаты, горделиво шеголяющий своими затейливо переплетёнными ногами. «А что же обветшалые обои?» - спросит особенно внимательный читатель. Тю! Куда там? Куда тем жалким остаткам былой славы до того великолепия, которые ныне украшало мои стены?

Всё, всё переменялось в моём домике. Абсолютно всё. Ничего более не осталось от прежней грязи и хлама. Всё здесь было обновлено, всё сияло. На такой квартире, я чаю, было бы не стыдно жить даже самой Селестии.

Наверное, мой читатель уже догадался, что я стоял на пороге собственного дома с разинутым ртом и выпученными глазами, будучи не в силах выдать из себя ни единого звука или же совершить какое-либо движение. Вдруг, из шкафа, заливаясь радостным смехом, выпрыгнула... Кто бы вы думали? Конечно же, величайшая служанка Смеха, неутомимая поборница Радости, худший враг Страха и самый надёжный антидепрессант всех времён и народов, единственная и неповторимая, **ВНЕЗАПНО**, Пинки Пай.

Не успел я даже пискнуть, как она задудела в неизвестно откуда взявшуюся свирель. Пони повалили изо всех углов, пони вылезали из-за тумбочек, пони выскакивали из шкафов, пони выкарабкивались из-за дивана, выходили из подвала и ванной.

Кажется, что глядя на эти радостные, сердечные, полные доброты лица, которые наперебой весело поздравляли меня, я прослезился, и заулыбался так широко, как не улыбался никогда в жизни...

- Пинки... - Пробормотал я. Добро переполняло меня. Оно было материально, и я ощущал его всем своим телом и душой. Я знал, что Пинки способна на многое, но даже я, человек (или пони), знающий о MLP далеко не понаслышке, не мог предположить такой встречи.

- Что? – Розовая пони, озаряя всё вокруг своей заразительной улыбкой, вприпрыжку добралась до меня.

- Пинки... - Я смахнул слезу. – Спасибо...

- А-а-а, ты про это. – Махнула копытом Пинки и с шуточной пренебрежительностью окинула взглядом капитально преобразившиеся внутренности дома. – Это вообще благодаря Клоку, знаешь, когда я слышала, как тебе бедняжке было плохо, я такая: «ОООХ», а когда я посмотрела на твой дом, то я вообще такая: «УУУУХ», и думаю: «а может быть мы тебе все вместе поможем и подарим что-нибудь, ведь тогда ты наверняка будешь очень-очень

счастлив, а ещё я устрою вечеринку, чтобы ты завёл себе много-много друзей, ведь чем больше у тебя друзей, тем ты счастливей, потому что...»

Пинки не договорила. Я безо всяких слов крепко её обнял. Не успела Пинки сделать то же самое, как на нас со всех сторон навалилась весело гомонящая толпа с явным намерением устроить самые массовые обнимашки за всю историю Эквестрии.

Что происходило дальше, можно описать в двух словах: безудержное веселье. К сожалению, с трудом я могу припомнить подробности. Почему? А Дискорд его знает. То ли из-за чувства благодарности и любви ко всем-всем, которое переполняло всё моё естество и мешало здраво мыслить, то ли пунш был того, этого... Spiked, то ли кто-то веселящего газу напустил, то ли всё это вместе взятое. Помню, что мы всей честной компанией отправились на улицу – у меня дома было уютно, но тесновато. Пинки назвала это мероприятие «БПППП», и даже сочинила по этому случаю песню. Когда осведомился у неё, что же это за «БПППП» такой/ое/ая, то она лишь хихикнула, запрыгала на месте и протараторила: «БОЛЬШАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ ПРОГУЛКА ПИНКИ ПАЙ!!!»

Гуляли по поводу моего приезда всем городом. И гуляли, надо сказать основательно. Веселье не утихало до вечера, и чуть ли не до самой ночи! Помню, как в промежутках между играми и распитием пунша или разъеданием кексов все подходили ко мне и знакомились.

Естественно, поскольку я был в некой эйфории, то едва ли запомнил хотя бы несколько имён. Впрочем, имена персонажей, знакомых мне по сериалу, я, конечно же, без труда усвоил. А они там были все; и mane six, и Лира, и Бон-Бон, и мистер и миссис Кейк, и Чирли, и Биг Мак... Да, кого там не было – это вопрос посложней.

Кстати, о Биг Маки. Я вместе с Пинки Пай и ещё несколькими пони попытался разговорить его. До сих пор не понимаю как, но у нас этого не вышло. *Совсем*. Дальше «ага» или «не-а» или же коротких реплик с его стороны дело как-то не зашло, хотя мы прибегли ко многим ухищрениям. Вот они, стальные нервы! Или он просто великий искусник в деле красноречия, но тщательно это скрывает. Всегда знал, что за этими полуприкрытыми глазами, ровным тоном и спокойной улыбкой таится нечто большее, чем просто крепкий деревенский парень. А был и другой забавный и жутковатый одновременно эпизод: когда мы пускали фейерверки, вдруг из ниоткуда появилась Дерпи. Причём он не просто *появилась*, она *пролетала* прямо над тем местом, где мы собирались устраивать канонаду и преспокойненько ела маффин. А фитили на фейерверках как раз догорали... Естественно, что Рэрити, присутствовавшая при этом, в беспамятстве повалилась на диван, а некоторые же (включая меня) бросились тушить фитили.

«БАБАХ!» - мы все (даже Рэрити) повалились на землю и обхватили головы копытами. Гром был такой, что просто ужас. Кажется, мы слегка переборщили...

Когда канонада закончилась и мы все взволнованно взглянули на небо, ища глазами Дерпи, то увидели её. На том же самом месте. Абсолютно целую и невредимую. Как будто ничего и не случилось! Она доедала свой маффин. Когда она обнаружила, что на неё обращено немалое количество взглядов, то она недоумённо развела копытами, мол-де, «ничего не знаю», и сказала:

- Я не знала, что может пойти не так! – И мы почему-то все как один засмеялись.

Было там ещё много чего весёлого – всего и не упомнишь...

Вернулся я домой уже очень, очень поздно. Единственное, на что меняхватило, так это со вздохом блаженства повалиться на кровать и уснуть...

Пылающие дома. Красный дым курится над Понивиллем. Дороги из мыла. В жёлтом небе – синее солнце. Куски земли летают в воздухе. Головы насажены на колья. Повсюду – трупы и кровь. Кровь. Она брызжет из фонтана. Уродливые пони-свиньи пожирают останки. И посреди всего этого великолетия – он. Великий дух Хаоса, Раздора и Дисгаромнии – Дискорд. Он, сидя на троне, заливается зловецим смехом и... Он смотрит прямо на МЕНЯ. Он показывает на МЕНЯ пальцем. Молнии мелькают в небе. Гром оглушителен. Мне

страшно...

Я закричал и проснулся. С меня ручьями струился холодный пот. Отдышавшись и собравшись с мыслями, я посмотрел в окно, а потом вспомнил, что у меня есть часы – подарок Клока. Они показывали девять часов сорок семь минут...

Пфф... Приснится же всякий бред, а? Я облегчённо вздохнул и прилёг. Закрыв глаза, я подумал, что это просто усталость. И правда – какой тут может быть Дискорд? Откуда ему взяться?

СТОП!

Гранд Галопинг Гала... Эплджек говорила что-то про Гранд Галопинг Гала! Если я правильно помню, то это – последняя серия первого сезона, про Дискорда же идёт речь в первой-второй сериях второго сезона... В таком случае... О, нет!

Так... Нет... Надо собраться с мыслями. Спокойно. Ух. Откуда я знаю, что Дискорд пришёл сразу после Г.Г.Г? Правильно, могло пройти сколько угодно времени. Неделя, две, месяц. Год, в конце концов. Кто вообще сказал, что серии расположены в строгом хронологическом порядке? Всё равно, странное, тревожное чувство довлело надо мной и не давало мне покоя. Нужно срочно сходить к Твай и разузнать у неё об этом!

Я не шёл, я нёсся по улице, подгоняемый собственным страхом, не обращая внимания на пони, моих вчерашних знакомых, которые меня всячески приветствовали. Наконец-то, библиотека!

- Твайлайт! – Я забарабанил в дверь. – Твайлайт! – Послышалось какое-то шебуршение. Наконец, дверь открылась и передо мной предстал Спайк. Маленький дракончик явно не выспался и был, мягко говоря, не в духе.

- Чего тебе, Цезарь? – Вяло отозвался он и сонно посмотрел на меня.

- Мне срочно надо поговорить с Твайлайт! Спайк, это очень важ...

- Твайлайт уехала. – Прервал меня дракончик, зевнул и протёр глаза.

- Куда это, уехала? – Захлопал глазами я.

- В Кантерлот это, уехала. – Передразнил мой взволнованный голос Спайк.

- Как, в Кантерлот?! – Воскликнул я.

- Так, в Кантерлот. – Ответил Спайк. Всё это явно начинало ему надоедать.

- Когда уехала? – Пауза, во время которой дракончик, закатив глаза, пытался сообразить.

- Думаю, где-то час назад... - Лениво протянул он.

- Только не говори, что она поехала туда со своими друзьями по поручению принцессы! - Спайк удивлённо уставился на меня и спросил:

- А ты откуда знаешь? – Ещё одна пауза. Всё в моём мозгу сложилось в единую картину.

- Спасибо за помощь, Спайк... Пока. - Машинально произнёс я и пошёл в другую сторону. Дракончик пробормотал в ответ что-то невнятное, наверное что-то вроде «какой параспрайт его укусил» и хлопнул дверью.

Дискорд... Неужели сегодня он уже будет здесь?! В таком случае, я просто обязан помочь им! Время догнать их у меня ещё есть! Я предупрежу их о том, что не надо ходить в лабиринт, и Эквестрия будет спасена ещё быстрее!

Хотя, постойте. А вдруг это просто совпадение? Вдруг я попрусь в этот Кантерлот, и результатом этой поездки будет всего-то навсего шиш с маслом? Надо решать...

Глава VI

Кошачий концерт

В которой читателю будет поведано о том, сколько времени раздумывают настоящие герои, а также о том, что может произойти из-за недопитой бутылки газировки.

Я не стал слишком долго раздумывать. Еду, сейчас же еду, и будь что будет! Кантерлот, готовься, я иду!

Мыслил я живо и скоро, как самый что не на есть заправский герой, так что на лихорадочное соображение и принятие такого непростого решения у меня ушло всего-то около полчаса...

Рассудил я так: раз уж я попал в Эквестрию, то, следовательно, попал не зря, верно? А что такое "попасть не зря"? Значит, мне суждено совершить что-то великое и необычное, из ряда вон выходящее. А что значит совершить что-то великое и необычное, из ряда вон выходящее? Стать героем, очевидно же. Ну, в хорошем смысле, помирать-то я ни в коем случае не намерен!

Сборы, как и размышления, много времени не заняли. Со скоростью кота, которого окунули в воду, я направился к дому, где прихватил денег, надел изящную фетровую шляпу (подарок Рэрити), после чего, когда уже собирался выходить, остановился, и решил присесть на дорожку. Спустя несколько секунд я уж пулей вылетел из дома, и бегом помчался на железнодорожную станцию.

А вот и станция. Отдышавшись, я посмотрел на стену, где висели часы. Беглый взгляд на циферблат показал: до прибытия следующего поезда десять минут. Ох. Десять минут. Мех и перья, десять параспрайтовых минут... Думаю, что эти жалкие десять минут покажутся мне десятью месяцами, если даже не годами.

Я приобрёл билет в кассе. Пошагал взад-вперёд. Посмотрел на часы. Вздохнул. Ещё пошагал. Снова посмотрел на часы. Снова вздохнул. Все эти эволюции заняли у меня около пятидесяти секунд. Ещё целых девять минут! Как же долго...

Я присел на лавочку и надвинул шляпу на глаза, после чего, скрестив копыта на груди, призадумался. Надо продумать план действий. Итак, предположим, я прибываю в Кантерлот. Ура! Мои дальнейшие действия?.. Сперва, естественно, надо будет найти дворец. Вне всяких сомнений, к тому времени шестёрка горе-героев уже будет всю бродить по лабиринту. Так. Вслед за этим мне надо будет быстро и незаметно проникнуть в дворцовый сад. А стражники? С ними-то что делать? Вырубить ударом копыта с разворота, а-ля Чак Норрис? Нет, лишних проблем и бесплатной путёвки на луну мне не нужно. Поведать им о Дискорде? Не поверят. Как же быть? А может, туда вообще пускают просто так? Наверяд ли, всё-таки, непосредственная близость к дворцу, да и в сериале никого в этом парке вроде бы и не было во время небезызвестных трагических происшествий.

И вообще, если я туда проберусь каким-то чудом, то кто сказал, что Дискорд пустит меня в лабиринт? А это очень и очень маловероятно, ибо в его "игре" должно участвовать лишь шестеро, и на кой духу Хаоса, Раздора и Дисгармонии сдался седьмой?! Н-дя, похоже, что разобраться и отвечать на извечный вопрос «что делать?» придётся уже на месте, продираясь сквозь гущу событий.

Хм, а если я не успею вовремя?.. А это очень даже вероятно (я с ненавистью взглянул на часы, которые никак не могли отсчитать ничтожные десять минут). Плохо тогда будет. Очень плохо. Тогда получится, что я зря пёрся в такую даль. Лучше бы остался в Понивилле. Впрочем, постойте... Тогда не нужно будет себе морочить голову тем, как попасть в сад, ибо в таком случае у меня появится шанс отловить Твайлайт, когда она вместе со своими то ли друзьями, то ли врагами, отправится домой! Хитрый план, может прокатить. А... Чего я ей скажу? Ну, предположим, скажу я ей что-то вроде «не сдавайся, победа будет за тобой». Лучше не выдавать того, что мне известно многое, иначе она может меня заподозрить в чём-то нехорошем, и вопросы а-ля «а откуда ты знаешь» посыплются на меня градом, и только собьют её и меня с толку, что может привести к фатальным последствиям. А чем моё «не сдавайся» ей поможет, спрашивается? Думаю, ей это будет вполне бестолку. Да, вот задачка так задачка.

Из грустных раздумий меня вывел рёв паровоза. Я очнулся и резко поднял голову. УАУ! Мой спаситель прибыл. После того как контролёр, подозрительный на вид и суровый как два десятка Сталлионградских мужиков секунд пять бегал глазами по моему билету, тщетно пытаясь выискать какую-либо неточность, но, не обнаружив её, молча кивнул, я торопливой трусцой забрался в вагон, и уселся в своём купе. Будем надеяться, что я буду здесь в гордом одиночестве – лишние попутчики и досужие разговоры мне нонче ни к чему. Скорее бы поезд поехал...

Итак, какой там вопрос на повестке дня? Ах, да, что же делать по прибытии. Может быть, рассказать Твайлайт обо всём? Устроить с понтом под зонтом чистосердечное признание? Возможно, в свете тех безумных событий, которые, вне всяких сомнений, будут происходить, она мне поверит, и сделает всё согласно моей инструкции. Нет, что-то я в этом сомневаюсь... Уф, как же я ненавижу это чувство – чувство неизвестности. Нет хуже тех моментов, когда ты знаешь, когда нутром и всем сердцем чувствуешь, что тебя ждут большие испытания, а какие – непонятно. И повлиять ни на что ты до поры до времени тоже не имеешь возможности. И ты сидишь, ждёшь у моря погоды, праздно шатаешься туда-сюда, не находишь себе места от волнения, загадываешь и чешешь затылок, пытаешься представить все возможные варианты развития событий, и пытаешься придумать, как ты будешь вести себя в тех или иных ситуациях. А время еле ползёт, стрелки невыносимо медленно передвигаются на часах, как будто нарочно пытаешься свести тебя с ума. Просто ужас. Одно мучение, а не жизнь.

Будучи в больше не в силах сдерживать внутреннюю ярость, я стукнул копытом по столику и раздражённо выдохнул:

- Поезд, Дискорд тебя побери... Когда же ты поедешь?..

Не было моему удивлению предела, когда я почувствовал, что вагон пришёл в движение.

Mother of God... Да я же Деус Механикус (он же Бог-Машина), не иначе!

Весело чучухая, поезд мчался по рельсам. Пытаясь отвлечься от неприятных и мрачных мыслей, которые с каждой минутой становились всё мрачней и мрачней, я повернулся и стал рассматривать стремительно пролетающие за окном виды, пытаюсь подметить какие-нибудь интересные детали, которые бы могли на время занять меня. А за окном - бездонное и чистое голубое небо, под которым расстилается широкая зелёная равнина, и конца-края ей нет...

Должен признать, у меня захватило дух. Не раз уж я в реальной жизни бороздил просторы своей родины в вагоне поезда, но всегда я как-то игнорировал, не замечал чарующую красоту пейзажей, которые скоротечно менялись за окном. Может быть, наши земные пейзажи просто тусклы и невзрачны по сравнению с эквестрийскими, может быть, сон мой слишком красив, может быть, я изменился... Я не знаю...

О, эти бескрайние зелёные поля и равнины! Кто только не хаживал, кто только не бродил по вашей тучной траве? Как знать, вдруг именно в этих чудесных местах три народа - воинственные пегасы под предводительством отважного командира Харрикейна, трудолюбивые земные, ведомые неунывающим канцлером Паддинхедом, и благородные единороги под управлением принцессы Платины схватились между собой в кровавом бою за право владеть этими плодородными землями? Как жаль, что не наделена трава и почва даром речи, ибо даже если и в помине не было ничего такого, то им и без того было бы чего рассказать, я уверен.

Хватит ли у меня слов, чтобы описать всю ту прелесть, всю ту естественную красоту молодой зелёной растительности, которая густым ковром простиралась вплоть до самого горизонта? Хватит ли у меня слов, чтобы поведать моему читателю о том, какой восторг, какое необъяснимое ощущение внутренней свободы испытывает человек, как ликует, как торжествует и радуется он при виде полной безмятежности полей, которую может породить лишь матушка-природа? Хватит ли у меня слов, чтобы передать то чувство, когда смотришь ты в сторону бескрайних зелёных просторов, и невольно душа твоя начинает петь, а скрученные в единый беспорядочный клубок мысли как по волшебству упорядочиваются, и сразу становится так спокойно и легко, и волшебное умиротворение охватывает всё твоё существо...

Нет, не берусь я за эту задачу. Не под силу мне передать всё это, слишком уж скуден и скучен мой язык! Нет у меня поэтической жилки. Пусть лучше этой благородной задачей займётся кто-нибудь другой. Так что я в благоговейном и молчаливом почтении опускаю голову. Слаб, слаб мой разум, и не может он объять необъятного...

Не заметил я, как подъехали мы к станции, так как пребывал в крайней степени восторженно-мечтательно-приподнятом расположении духа. Виноват, так сказать, исправлюсь. Когда до меня наконец-таки дошло, что выдалась остановка, то я вдруг вспомнил, что давно уже ничего не ел, ибо мой живот явно был к своему хозяину в претензии: он громко бурчал, выражая своё недовольство этим возмутительным фактом. Так что я, словно древний поньдерталец, покинувший свою пещеру, отправился на поиски чего-нибудь съестного. А вот и киоск... Кексы, пирожки, газировка, бутерброды с цветами, молоко, морква, маффины, сок, яблоки, капуста... Можно подумать, что в Эквестрии вообще не питаются чем-то серьёзным. Впрочем, я неправ. Что такое "серьёзное" с моей, человеческой точки зрения? Ну, каша там какая-нибудь, суп, творог... А тут, в мире пони, которые живут себе и не горя не знают, как нормы, обычаи, традиции, так и понятия о том, что есть серьёзно а что нет, что есть хорошо, а что плохо, совсем, совсем другие. Да-с, что-то философия из меня в последнее время прёт сильнее, чем радость из Пинки Пай.

Я взял себе несколько здоровых пирожков с капустой и бутылку газировки. От аппетитных плодов кулинарного искусства вскоре не осталось и крошки, а мой живот, набитый вкуснятиной, умиротворённо затих. Пожалуй, если бы животы имели рты, то мой бы сейчас улыбался до... Ушей? Ох уж мне эти выражения...

Я уж собрался основательно приложиться к бутылке содовой, как вдруг меня кто-то окликнул:

- Цезарь?! - От неожиданности я громко фыркнул и выплюнул некоторое количество шипучей жидкости. Встряхнув головой, я резко обернулся.

- Клок?! - Воскликнул я. Да-да, передо мной, наострив уши и удивлённо вытаращив глаза, стоял не кто иной, как мой недавний знакомый, часовщик О`Клок.

- Ты что здесь делаешь? - После небольшой паузы возгласили мы едва ли не одновременно.

- Давай сначала... - Единообразно заговорили мы, но тут же осеклись, когда поняли, что если беседа будет и дальше продолжаться в таком же духе, то она ни к чему не приведёт. Я первым нарушил кратковременное молчание:

- Ну так, что ты здесь делаешь?

- Я-то вообще в Кантерлот еду, отец преболел, - он недоумённо наклонил голову набок - но вот ты-то что здесь делаешь?.. Только приехал в старый добрый Понивилль и сразу уезжать что ли? - Клок недоумённо потёр копытом подбородок.

- Ну... - Замялся я. Думай, думай, башка ты дурья... Дума-а-ай! - Дело в том... - Ох, ужас-ужас-кошмар-the-horrog... Стоп, идея! Я собрался с мыслями и уверенно продолжил: - Дело в том, что мне пришло письмо...

- Какое письмо? - Захлопал глазами Клок.

- Не перебивай. - С важным и торжественным выражением на лице и твёрдостью произнёс я, после чего закрыл глаза и выдержал драматическую паузу. - Письмо, в котором сообщается, что моей семье удалось выжить!

- Да ты что? - Радостно воскликнул Клок. - Да это же прекрас... - Он запнулся и нахмурился.

- Постой-ка. Тогда почему они в Кантерлоте, а не в Понивилле? Наверное, они бы поехали к тебе...

- А я и не знаю. - Я беспомощно улыбнулся и развёл копытами.

- Тогда... Почему ты поверил этому письму, и... - Мой собеседник остановился, подумал и продолжил: - Ты не думаешь, что тебя... Ну, обманывают, и кому-то просто нужно заманить тебя в Кантерлот?

- Почерк. - Улыбнулся я.

- Почерк? - Переспросил Клок и удивился пуще прежнего.

- Почерк. - Повторил я. Глядя на недоумевающего Клока, я с ликующим видом пояснил: - Письмо написано почерком моей жены!

Раздался гудок. Мы как один повернулись к вагонам - то был сигнал. Скоро поезд покатит дальше.

- Ты в каком вагоне? - Выпалил я.

- Пятном. Пошли?
- Сейчас, ты иди, я допью быстренько. - Я покивал в сторону неосушённой бутылки.
- Хорошо! - Крикнул Клок и побежал к своему вагону.

Я спешно повернулся к столику, на котором стояла бутылка. И не успел я приложиться к горлышку, как вдруг почувствовал, что меня сзади кто-то крепко схватил и куда-то потащил. Я уж было собрался лягаться, кричать и звать на помощь, но дыхание спёрло, сердце замерло от ужаса, и дюжая, покрытая мягкой шерстью лапа захлопнула мне рот. Потом, не обращая внимания на то, что я брыкался, размахивал всеми конечностями, лопотал в лапу что-то неразборчивое, и вообще активно протестовал, переговариваясь приглушёнными, протяжными голосами меня бесцеремонно запихали в тёмный мешок, и, судя по всему, взвалив оный на плечо, понесли куда-то.

Из недр мешка я не мог разобрать, о чём говорили мои похитители. Единственным, что я мог сказать с уверенностью (поскольку ощущал на своей шкуре), было то, что поначалу они довольно-таки спешили, ибо я подсакивал часто и быстро. NN-ое время спустя количество подскоков резко уменьшилось - похоже, что разбойники сбавили темп. Не знаю, как я не задохнулся за всё то долгое время, пока меня тащил неизвестно кто и неизвестно куда... Ой-ой-ой... А ведь Дискорд-то... Проклятье. Неужто из-за того, что кому-то взбрело в голову меня похитить, я пропущу столь важные исторические события? А вдруг Дискорд сможет победить? Да без меня им не справиться! И будет тогда Хаос во всём Хаосе... Бред. И опять я ничего, ровным образом ничего не могу предпринять.

По счастью, всему приходит конец, пришёл конец и моему нелёгкому пути. Мы секунд на десять остановились, потом снова пошли. Судя по тому, что стало шумнее, мои похитители добрались до какого-то оживлённого места. Может быть, меня принесли в их логово? Непонятно, зачем им нужен я, ничем не примечательный, самый обыкновенный пони? Додумать мне не дали. Мешок резко стащили с плеча, после чего перевернули его и вытряхнули меня на землю, не особо-то заботясь о том, что при этом их пленник мог здорово удариться. Впрочем, именно так я и сделал.

- Ай-ай-ай... - Пробормотал я, зажмурившись и потирая ушибленную голову.
- А э-э-это ещё-ё-ё кт-о-о-о? - Протянул рядом со мной вкрадчивый и слащавый голос.
- Но-о-овый пленник, ше-е-эф. - Вторил ему другой, но более низкий и грубый голос. - Смотри, и оде-е-ет хор-р-рошо, и крепкий на вид...
- Пр-р-релестно, пр-р-релестно...

Нерешительно и несмело я открыл глаза и присел. Вокруг меня всё было деревянным - деревянный пол, деревянные стены, деревянный потолок, деревянный стол, деревянная дверь. Да, деревянным здесь было всё, за исключением окон. Тут мой читатель, наверное, недоверчиво прищурится и спросит: «Ой ли? А те, кто только что говорил, тоже деревянные, что ли?» Ну... Одного из них - здорового верзилу, который притащил меня сюда, можно было даже назвать деревянным, ибо его лиц... Морда не выражала ничего, кроме тупой покорности. А вот второго назвать деревянным уже было нельзя, определённо, потому что... «Да кто же это такие? Пони или кто?!» - Воскликает нетерпеливый читатель. Что, я забыл сказать, кто они такие? Оу. Охотно расскажу. Они - коты. Да. Два больших кота. Первого (тот, что деревянный) в нашем мире немедля окрестили бы представителем британской породы. Второй (тот, который не деревянный) был из рода персов.

Так вот, продолжаем разговор о втором. Деревянным его нельзя было назвать во-первых из-за выражения хитрой лености, гуляющей по его лицу, а во-вторых потому что, судя по всему, он был главнее первого - на нём была чёрная фетровая шляпа и красный галстук... Без сюртука. Он сидел за столом, на котором были разложены по стопкам какие-то бумаги. Сам он, лениво развалившись в кресле (которое, как и первый кот, тоже было не полностью деревянным), вовсю дымил сигарой.

- Куда вы меня притащили? - Я боязливо оглянулся по сторонам и встал. - Кто вы такие? -

Верзила уж было тихо зашипел и собирался ответить мне затрепещиной, но его босс сделал неоднозначный жест лапой, и тот успокоился.

- Мы - благо-р-р-о-о-одные р-р-разбо-о-ойники. - С улыбкой (да, не знаю, почему мне так казалось, но он улыбался) промурчал кот.

- И что вам от меня надо? - Мне это начинало нравиться все меньше и меньше.

Нетерпеливого верзилу, казалось, сдерживало только присутствие его начальника, ибо видок у него был такой злобный, что казалось, будто бы я - его древний враг, которого он уж давно замыслил убить.

- Во-пер-р-р-рых, тво-о-ои де-е-еньги, во-вторых...

- Зачем? - Перебил его я.

- Томми, покажи ему. - Безучастно бросил кот и, отвернувшись, пустил очередное облачко дыма. Томми не заставил себя ждать - когти вылезли на его правой лапе. Я не успел даже испугаться, как срубленный клок моей гривы упал на пол.

- Не задавать лишних вопросов! Ясно? - Прорычал мой охранник, и в голосе его ни единого намёка на какое-либо мурлыканье, столь характерное для котов, не было. Я не ответил, а лишь молча сглотнул и кивнул.

- Пр-р-релестно, Томми. - Кот чарующе улыбнулся. - Итак, во-втор-р-рых, отныне ты наш пленник. Из меня чуть было не вырвалось «как это так, пленник?!», но я, по счастью, сдержался, и лишь покивал в знак того, что понял. - Ты будешь работать на нас до тех пор, пока мы тебя не отпустим. Тебе ясно? - Я снова покивал. - А теперь отдавай деньги. - Он изобразил отсутствующий взгляд и сказал так, будто бы говорил картине, висевшей на стене: - Ты же не хочешь, чтобы Томми сделал это за тебя?

Я высыпал все монеты, имевшиеся у меня, ему на стол. И без того узкие глаза его удовлетворённо прищурились, а морда изобразила такое неизмеримое блаженство, какое изображает морда домашнего перса, которому хозяйка чешет пузо. Урчит, заливается довольный кот, лежит, и не дёргается, сражённый нещадными ласками хозяйки.

- Пр-р-релестно, Пр-р-релестно... - Промурлыкал он и сгрёб деньги сначала в одну кучу, а вслед за этим в ящичек. Томми, забер-р-ри его шляпу и отдай кому-нибудь из наших. Хор-р-рошо. А тепер-р-рь позови Вискаста, а этого отведи КУДА НАДО.

Томми подтолкнул меня к двери – «иди, мол», и пошёл за мной следом. Выйдя на улицу, я уж было собирался зажмуриться от яркого света... И понял, что это ни к чему. Поняв, что это ни к чему, я с несказанным удивлением окинул взглядом окрестности. Мы находились в глубоком лесу. Диво дивное! Деревья, в некоторых местах соединённые высоким забором, плотной стеной окружали поляну. Они были настолько высоки, а листва их настолько размашиста и густа, что образовывала что-то вроде зелёного потолка, и яркое дневное солнце почти не пробивалось сквозь него. На поляне же кипела жизнь; повсюду ходили коты всех мастей пород, и чем-то занимались, кто-то был даже вооружён. Что примечательно, многие из них ходили в фетровых шляпах... Кроме того, я с изумлением разглядел с высоты своей «колокольни» пару пони, которые тянули телеги, груженные железной рудой. Обширная площадка, на коей я стоял сейчас, была прикреплена к широкому стволу дерева, находящемуся в самом центре поляны. Получается, что я только что побывал в самом что не на есть настоящем доме на дереве... Забавно.

Несколько таких же домов высилось над землей – между собой они соединялись длинными подвесными мостами. В общем, должен признать, зрелище впечатляющее. Not bad. Осталось только понять, кто же эти коты, чего им надо от меня конкретно, и чего им надо вообще. А ещё весьма желательно выбраться отсюда поскорее...

- Ну, что встал? – Рыкнул Томми и толкнул меня в бок. – Давай, пшёл. - Я подошёл к деревянной винтовой лестнице, которая, опутывая ствол, должна была привести меня вниз, на поляну. Только я сделал первый шаг, как вдруг мой охранник замыкал так громко, протяжно, пронзительно и противно, как не всякому мартовскому коту под силу:

- Ви-и-и-и-и-и-ско-а-а-а-ст!!! – Несколько секунд спустя худой кот вылез непонятно откуда, и тихо прохрипел:

- Чего орёшь-то? Здесь я, здесь.

- Шеф тебя зовёт. – Томми покивал в сторону двери. Убедившись, что Вискаст направился к двери, он бросил на меня гневный взгляд и прошипел: - А ты чего встал? Ну, пш-шёл, быстро!

Пришлось покориться. Я стал осторожно переступать со ступеньки на ступеньки, перед каждым шагом произнося краткую молитву Селестии. Если честно, то лестница, как мне показалось, была из рода тех, которые склонны проваливаться, и вообще, весьма ненадёжны, что может привести, знаете ли, к некоторого рода неприятностям... Кстати, мне удалось услышать сквозь стену дома отрывок разговора между таинственным «шефом» и Вискастом.

- Вы замели следы?

- Да.

Вот и всё. Что-то я сомневаюсь, что меня отсюда выпустят скоро... Крайне сомневаюсь. Когда мой смертельно опасный путь по лестнице наконец-таки завершился, и я ступил на мягкую густую траву, то Томми повёл меня по поляне. Мои глаза разбегались от разнообразия – вокруг было столько всего интересного, что я просто не знал, куда смотреть. Всё гомонило, шумело, звенело, гремело железом, мяукало ртами, и стучало тележками. Снова я увидел пони, который влачил за собой телегу, доверху набитую железной рудой. Он был печален и уныл, и не заметил меня. Большинство строений были деревянными, что, впрочем, не отменяло того факта, что была и пара каменных, одно из которых было, похоже, кузницей – чёрный дым курился над ним. Ко второму меня и подвёл Томми. Наверное, что-то вроде тюрьмы местного разлива.

Так оно и оказалось. Когда мой охранник кивнул стражу тюрьмы в знак приветствия, то мы вошли в здание, и Томми, нисколько не церемонясь, пнул меня в первую попавшуюся открытую дверь. Я оказался в камере на восемь персон. Впрочем, каких персон? Это тюрьма, а не ресторация. Обшарпанные тусклые стены, решётка, подстилки из сена вместо кроватей, умывальник – такая вот обстановочка. Я был в гордом одиночестве, так что я, побродив немного туда-сюда, со вздохом присел у решётки и стал смотреть на волю...

Глава VII

Тайное Общество Неанонимных Носителей Фетровых Шляп (ТОННФП)

В которой главной герой так и не узнает, какое задание выполняет Джеймс Бонд в Эквестрии. Впрочем, он узнает кое-что другое - он узнает всё коварство и мощь скрипа тюремных дверей...

Дискорд (который, наверное, в моё отсутствие уже успел наделать делов) знает, сколько времени я просидел просто так, тупо уставившись в одну точку. Сколько мне ещё придется торчать в этом... Кхм... Не совсем приятном, скажем так, месте? Наверное, столько, сколько пожелают мои похитители. Ох. Зачем я тут вообще? Кто все эти люд... Коты? А чего же там Дискорд без меня натворил? А ежели он победил? Вдруг всё пошло не так, как должно было пойти? Вдруг без меня Твай не удалось справиться с ним? И что тогда? Трэш, угар, и эта, как там её?... Впрочем, неважно.

Вдруг, громко и протяжно заскрипела железная дверь. Какого сена?! От неожиданности я едва не свалился с койки, но сумел сохранить как равновесие, так и спокойствие, и, предприняв попытку принять расслабленную позу и попытавшись изобразить спокойную улыбку, прислонился к стенке.

В камеру один за другим стали входить пони, внимательно изучающие меня. Один, два, три, четыре, пять... И... Дракон? Дракон?! Нет, ну не совсем дракон... Как некогда восторженно пропищала Флаттершай: «А BABY DRAGON!!», но всё же – представитель древнего драконьего племени. Шкура его была чёрная, как ночь. Только глаза у него ярко-красные, как и пластины на спине. Это, надо сказать, придавало его внешности что-то...

Демоническое... Брррр...

Вошедшие выстроились передо мной в линию, пристально и с нескрываемым интересом разглядывая мою персону. Ну, конечно, как же мной, таким писаным красавцем и

прелестником, не заинтересоваться, спрашивается?

Состав их был таков: четверо земных, один единорог и один дракончик. Первый земной был ядовито-зеленого цвета, глаза его, как и грива, были тёмно-зелёные, а круп украшала метка в виде поварского колпака. Вторым был земной с длинной чёрной шевелюрой, с меткой в виде щита. Помимо того, он был бур цветом и суров видом. Третий – единорог, тёмно-синий, с коротко стриженной ярко-красной гривой и голубыми глазами. На боку его была метка, изображающая... Какую-то непонятную Дискордщину. Какие-то... Фиолетовые переплетающиеся нитки, в центре которых белая... Звезда?..

Четвертым был немолодой, но крепкий на вид земной с меткой, представляющей гитару, сам он был фиолетового окраса, с глазами цвета янтаря и кудрявой серой гривой. Кроме того, он слегка придурковато улыбался и на носу его гордо красовались маленькие очки. Это, конечно замечательно, но как они держались?.. Неясно. Пятым шёл упомянутый выше дракон – и, пожалуй, из всей этой занятой компании он интересовал меня более всего, тем более что видок он имел в крайней степени загадочный и таинственный, возможно, он нарочно напускал на себя его.

И, в конце концов, шестым был серый земной. Лысый. С оранжевыми глазами и меткой, бывшей изображением отбойного молотка.

Молчание. Только всевозможные шумы с улицы долетают. Признаться, мне стало как-то...

Не по себе. Ну, действительно, представь себе, мой читатель, что ты находишься в тюрьме, и тебя окружили пять неизвестных пони и один слегка жутковатый на вид, хоть и маленький дракон. Попробуй тут, сохрани самообладание... Надеюсь, что я не показал своего беспокойства внешне...

Вдруг один из них, тот, что бурый и со щитом на крупе, спросил:

- Новенький?

- Новенький. – Кивнул я.

- И тебя похитили? – Вздохнул единорог.

- И меня похитили. – Откликнулся я.

Молчание.

- Тогда это... - Неуверенно начал я. – Давайте познакомимся, что ли? – Я изобразил приветливую улыбку и представился: - Меня зовут Цезарь!

Бурый, тот, что заговорил первым, немедленно представился:

- Констабл. – Затем он ободряюще улыбнулся – мол, «не трусь, посоно», и крепко пожал мне копыто. Ядовито-зелёный пони с меткой в виде поварского колпака пошёл за ним следом и, окинув меня подозрительным, изучающим взглядом, сказал, прищурившись и с каким-то презрением в голосе:

- Бэйн. Просто Бэйн. – И, не удостоив меня даже пожатием копыта, отступил назад и, продолжая буравить меня подозрительным взглядом, уселся на свою койку. Экой гордый нашёлся-то. Потом ко мне подошёл худошавый единорог, и очень мягко пожал моё копыто:

- Меня зовут Сэнсофэллоу. Очень приятно! – Он чарующе улыбнулся. Я улыбнулся ему в ответ, и отозвался:

- Взаимно! – На смену Сэнсофэллоу подошёл немолодой пони с серой кудрявой гривой. Он сильно сжал моё копыто обеими передними ногами и живо потряс, да так, что у него вся причёска затряслась, будто началось землетрясение. У меня едва ли не кости захрустели, признаться...

- Ваше копыто, молодой пони! Моё имя – Палтери. – Он наконец-таки отпустил моё копыто и, поправив свои очки, рассмотрел меня, покивал, и заметил с большой оживлённостью: - А знаете, вы мне напоминаете принцессу Луну! – Я от такой странной ассоциации слегка опешил... Я что, чёрный, женского полу, с рогом на лбу и крыльями на шее?

Впрочем, не успел я осведомиться о том, что же является причиной эдакой, знаете ли...

Престранной с моей персоной ассоциации, как ко мне незаметно подкрался дракон и шепнул:

- Не обращай внимания. Он всегда такой. – Я покивал. Палтери отошёл от меня с таким видом, словно ничего и не случилось (правда, а ведь ничего не случилось, меня просто называли принцессой Луной), и я спросил у дракона:

- А тебя как звать?

- Меня? – Дракончик гордо ухмыльнулся, слегка прислонился к стене и упёр лапы в бока. – Меня зовут Бонд. – Пауза. - Джеймс Бонд.

Нужно ли говорить о том, как я удивился? Я ожидал *чего угодно*, но не великого, и, более того, *вымышленного* агента британской разведки, да ещё и в виде дракона. Мне стоило больших трудов держать себя в копытах и не обхватить голову копытами, вскочить на ноги, и заорать на всю тюрьму: «ЧТООО?!», так что я просто выдавил из себя:

- Очень... Приятно... - И улыбнулся. Бонд явно заметил что-то неладное (на то он и агент), но, будучи, судя по всему, благовоспитанным и сдержанным драконом, не подал виду.

Оторвите мне подковы... А вдруг он тоже с Земли? Да, звучит бредово, но то, что его зовут Бондом... Ну не может же быть это простым совпадением!! Да и он, похоже, в таком случае, тоже думает что-то вроде «какой параспрайт сюда принёс римского императора?!»... Я же представился Цезарем. А кто на нашей старушке Земле не слышал этого имени? Ну, разве что какой-нибудь новогвинейский охотник за головами из племени буги-вуги, вчера плотно и сытно закусивший другим охотником из племени чача-мача. Меж тем ко мне подошёл последний – лысый, оранжевоглазый, и с меткой в виде отбойного молотка.

- Гайд Репэйр. – Хрипло буркнул он и одарил меня взглядом, в котором читалось что-то вроде: «я слежу за тобой, так что веди себя хорошо, если не хочешь проблем».

Итак, что мы имеем? Суровый, большой, и сильный пони - Констабл, который, судя по всему, не питает ко мне злобы, настоящий мужык, так сказать, потом – недоброжелательный и циничный ядовито-зеленый понь Бэйн, его лучше избегать (кого я обманываю, таких как он сколько не избегай, всё равно навяжутся), потом Сэнсофэллоу – обходительный и интеллигентный единорог (что он здесь забыл, непонятно), потом идёт гитарист (наверное) Палтери – большой, похоже, чудак, потом дракон Джеймс Бонд (м-да, гордо звучит), и, наконец, Гайд Рэпер... Ой, Рэпейр. Мрачный тип. Может быть даже лидер. В нём чувствовалось что-то такое... Командирское.

Мы расселись по местам.

- Наверное, тебе охота знать, чего мы здесь делаем? – Спросил Гайд Рэпейр, потирая свою лысину.

- Ага. Ничего вообще не понимаю, что происходит, кто такие эти коты, чего им надо, и вообще... - Вся остальная компания обменялась между собой взглядами, словно спрашивая: «Ну что, и кто ему такому-сякому объяснит?»

- Видишь ли, в чём дело, приятель... - Внезапно заговорил Бэйн. Слово «приятель» он сказал с такой злой иронией, что мне показалось, будто он намерен меня скушать сейчас же, на месте. – Мы тут не бегемотиков гитарами доим и не балет танцуем. Эти вот пушистики заставляют нас добывать им металлы и драгоценности, а вслед за этим перевозить...

- Зачем?

- Понимаешь, Цезарь... - Замялся Сэнсофэллоу. – Я не уверен, но у меня есть гипотеза, зачем мы это делаем...

- А почему только гипотеза?

- Потому что они всячески от нас скрывают всё. – Со вздохом проконстатировал Констабл.

– В нашем присутствии они не говорят о своих планах, они просто заставляют нас работать. И всё. Мы можем только догадываться.

- Спасибо, Констабл. – Улыбнулся единорог и откинул непослушную чёлку. – Так вот, меня похитили одним из первых...

- Извини, что перебиваю, - вдруг ввернул я, - но сколько здесь всего пони?

- Много. Довольно много. – С грустной улыбкой покачал головой Палтери. Не успел он, как

всегда, вставить сюда свою странную ассоциацию, как его прервал Гайд Рэпейр:

- В тюрьме около восьми камер, в каждой из которых около десятка пони, как в нашей с вами.

- Вообще-то, не-пони здесь тоже присутствуют... - Язвительно заметил Бэйн и как бы невзначай покивал в сторону Джеймса, который всё это время молча сидел, даже не пытаясь вставить ни единого слова.

- Неважно. – Грубо перебил его Гайд, грозно взглянул на него и продолжил: - Нас каждый день гоняют по шахтам, причём держат всегда с таким расчётом, чтобы сокамерники были с сокамерниками.

- Однако, - не преминул возможностью внести свою лепту Констабл. – Мне удалось перекинуться парой слов с остальными. К сожалению, завести беседу не удалось, времени на рассуждения у нас просто не было...

- В таком случае, конечно, речи о побеге и быть не может! – Развёл лапами Бонд. – Нас просто перебьют маленькими группами! - Наконец-то и он вступил в разговор.

- Я, наверное, вам мешаю? – С едва различимыми нотками недовольства в голосе сказал Сэнсофэллоу. – Не успел я нашему новому товарищу рассказать о том, зачем мы здесь, а вы уже о побегах разговоры разговариваете.

- Извини, Сэнс. – Буркнул Гайд.

- Валяй дальше! – Махнул копытом Бэйн.

- Ну так вот. – Продолжил Сэнсофэллоу, демонстративно кашлянув. – Ты слышал что-нибудь о алмазных псах, Цезарь?

- Да, есть такое...

- У меня есть все основания полагать, что эти коты и алмазные псы – это две враждующих группировки!

- То есть, два клана?

- Да, два мафиозных клана. – Пояснил Бонд. Я постарался не подать виду, что то, что этот дракончик знает слово «мафия» кажется мне странным. Впрочем, чего странного в том, что агент разведки знает слово мафия, казалось бы?

- Дело в том, что как-то раз мне удалось мельком услышать разговор их лидера, имени которого, кстати, никто из нас не знает, в котором он упоминал этих самых псов, говорил о том, что надо предпринять то-то и то-то, дабы перегнать их по количеству добытого материала, и о том, что они недавно убрали одного из их шпионов...

- То есть, получается... - Сообразил я, - что нас здесь используют как рабочую силу для добывания металлов, которые им зачем-то нужны?

Бэйн не преминул вмешаться:

- Нас-то с вами, честных трудяг, используют как рабочую силу! А вот этих двоих – он тыкнул копытом сначала в Сэнсофэллоу, а затем в Бонда. – Как непонятно кого, я вообще не понимаю...

- Бэ-э-эйн! – Вмешался Палтери со своей фирменной счастливой улыбкой. – Тебе не надоело ещё скандалить, а? Честное слово, твои споры напоминают мне о временах создания Эквестрии.

Молчание, вызванное очередной странной фразой, не было долгим, потому что Бэйн не внял словам чудака и продолжал голосить, энергично жестикулируя:

- ...И пока мы не покладая копыт трудимся, волочим эти триклятые тележки с металлами, или долбим кирками породу, Бонд сидит на кухне и огнём поплёвывает, а Сэнсофэллоу, этот умник,

бегает по пещерам и своей глупой магией ищет нам работу, бубубу... - Подоспевший Констабл закрыл ему копытом рот и вздохнул:

- Цезарь, прости Бэйна. Он у нас того... Вспыльчивый. – Он сделал жест незанятым копытом, как бы извиняясь. – Сэнсофэллоу, продолжай.

- Не вспыльчивый он... Просто завидует... - Негромко сказал Бонд. Показалось, что никто, кроме меня, на него внимания не обратил.

- Спасибо ещё раз, Констабл. Так вот, нужны металлы им могут быть для двух вещей; либо для того, просто чтобы перегнать алмазных псов по количеству металла, дабы потом сделать из него что-то, а потом продать, и, следовательно, заработать больше, а может быть для того, чтобы начать открытые военные действия против своих врагов... А, может быть, и против всей Эквестрии...

От этих слов я невольно поёжился, вспомнив головореза Томми. Такому в жидком азоте было бы искупаться не страшно. А если здесь хотя бы половина таких, как он? Просто ложись и помирай, ну ей-же-ей...

- И в таком случае, - мрачно заключил Бонд, - они вполне могут погнать нас в первых рядах наступления, несмотря на то, что, как я понимаю, всем нам обещали дать когда-нибудь свободу. По-моему, судьба незавидная.

- Н-да. – Я задумчиво потёр лоб, переваривая полученную информацию.

Loading...

- И что вы собираетесь, собственно, делать?

Вся шестёрка ещё раз переглянулась между собой. Бэйн вдруг успокоился, прекратил брыкаться, издавать нечленораздельные звуки и вырываться из крепкой хватки Констабла, и тот отпустил его. Гайд кашлянул, нахмурился ещё больше обычного и стал объяснять:

- Вообще-то, мы намерены сбежать отсюда.

- Но условия для этого крайне неблагоприятные. – Произнёс с грустью Констабл и опустил голову. – В бытность свою стражником я видел тюрьмы, и знаю, что такое надёжная тюрьма, а что такое ненадёжная... К сожалению, эта – надёжная.

- Эх вы, молодые, ничего вы не понимаете! – Радостно возгласил Палтери и всплеснул копытами. – Нет безвыходных ситуаций, ну нету! Если постараться, то сбежать отсюда будет не труднее, чем...

- А как же патрули? Как же стража в шахтах? – Возмущённо закричал Бэйн, и запнулся: - ох, да перед кем я распинаюсь?.. – И копыто его медленно надвинулось на лицо.

- Проблема в том, - сказал Бонд, - что здесь всё работает как чётко отлаженный механизм.

Здесь всё расписано по часам, причём так, что может возникнуть ощущение, что сбежать нет ну никакой возможности. Подкоп? Бесполезно, уйдём из камеры, не уйдём из леса.

Попытаться тихо ускользнуть? Тоже бесполезняк – эти коты так по деревьям лазают, что вообще.

- Единственное, на что мы можем рассчитывать – это на вооружённое и открытое сопротивление! – Твёрдо заявил Гайд и топнул копытом.

- Ага-ага, фантазируй дальше, Гайд. – Скептически ухмыльнулся Джеймс и добавил: - Они нас перебьют всех и не подавятся! Они ведь вообще не оставляют нам возможности собраться, и встретиться с другими пленниками, вообще! Нас даже ведут в разные шахты по сменам с таким расчётом, чтобы группы между собой не пересекались!

Гайд Рэпейр ничего на это не ответил, а только улыбнулся с какой-то, я б даже сказал, устрашающей уверенностью, и поманил нас жестами, подзывая к себе. Мы, конечно же, пододвинулись к нему поближе...

- Дело в том... - Шепнул он. – У меня есть ИДЕЯ...

- А чего так скрытно-то? – Поднял левую бровь Бэйн.

- Тебе не приходила в голову мысль, что нас могут подслушивать, а? – Впервые за всё время улыбнулся Гайд с каким-то торжествующим выражением на лице.

- Ага, то есть, по-твоему, они ничего не заподозрят, если мы тут будем сидеть и перешёптываться?! – Завёлся было Бэйн, но Констабл его осадил:

- погоди, Бэйн. Дай ему досказать.

- В том-то всё и дело, мы можем шептаться о чём угодно! Естественно, их это насторожит. Если мы будем так шептаться на протяжении некоторого времени, например, двух недель,

они наверняка будут на нервах и будут думать, что мы тут какие-то гадости замышляем. А мы можем этого не делать, понимаете? А потом мы поймаем их на каком-нибудь промахе и свалим отсюда.

- Есть более быстрый и действенный метод, молодёжь. – Совершенно неожиданно для всех сказал Палтери, лукаво улыбаясь. Удостоверившись, что всё внимание сосредоточено на нём, он продолжил: - Вы, молодые, во всём ищите грязь, зло, и так далее. Но, не тут-то было! Добрых существ в этом мире больше, чем злых. Сегодня мне удалось поговорить с одним из конвоиров... Оказывается, что отнюдь не все довольны их боссом, и намечается переворот. Наша помощь будет им очень полезна, и их группировка завтра ждёт нашего ответа.

- Бред сивой кобылы, Палтери, а вдруг он лгал? Вдруг это ловушка?

- Зачем ему лгать? – Палтери радостно улыбнулся.

- Действительно, - заметил дракон, - зачем? Мне кажется, стоит попробовать. Чем быстрее мы выберемся из этой дыры, тем лучше.

- Предлагаю провести голосование. – Сказал единорог. – Но не сейчас. – Замахал он копытами, увидев нашу готовность. - Давайте сначала взвесим для себя все «за» и «против», обдумаем, и потом уж приступим. Торопиться нам всё равно некуда.

- Отличная идея! – Поддержал его Констабл. – А теперь расходимся и ведём себя так, как будто ничего и не случилось.

Мы разошлись, но молчать не стали. Нескучная беседа завязалась быстро, с моего вопроса, кто чем занимался раньше и так далее. Первым ответил я. Я рассказал всё, как есть; нет, конечно, я не выдал им того, кем на самом деле являюсь, вы что. Я рассказал им сначала свою душещипательную Мэйнхэттенскую биографию, снабдив некоторыми красочными деталями, а вслед за этим и краткую, но насыщенную событиями и яркими моментами Понивилльскую. Эх, казалось мне в те минуты, что это было так давно...

Потом рассказ о себе повёл Констабл. Почти всю жизнь он прослужил стражником в Кантерлоте, но не королевским. Он был кем-то вроде полицейского. И здорово же ему доставалось! Иметь дело с преступниками ему приходилось нечасто, но если и приходилось, то с такими, в сравнении с которыми какой-нибудь ничтожный Джон Крамер из Пилы, или Фредди Крюгер – детский лепет. Такие маньяки-грабители-убийцы-воры, что ужась просто. Во время рассказа он продемонстрировал шрам на боку, который получил от удара ножом. И правда – шрам хоть было еле видно, ибо давность лет, но он был весьма изряден.

Его похитили на станции, как и меня, только на другой. Сначала его подстерегли в тёмном переулке, а потом оглушили и приволокли сюда.

Улыбнувшись и блаженно вздохнув, начал рассказывать о своей жизни Палтери. Он – музыкант, гитарист, как он сам себя называл, «свободный бард». Пел песни собственного сочинения по многим, многим городам и весям всей Эквестрии. Женат он не был, и не имел ни малейшего желания – свобода ему всегда была дороже всего. И правда, что может быть лучше путешествий? Новые лица, новые впечатления, и так далее... Однако, он с гордостью заявил, что лично устроил несколько свадеб, и, если верить его рассказам, то все браки, заключённые через его содействие, не развалились и до сих пор. Всегда старался он видеть во всех хорошее – и это у него получалось отлично. Естественно, что во время рассказа он не преминул возможностью вставить пару-тройку своих фирменных ассоциаций; например, город Сталлионград он сравнил с весенним снегом, а Кантерлотский Большой Рынок с учебником по истории.

Вслед за ним повёл рассказ Гайд Рэпейр. Жил он в Кантерлоте, окончил архитектурный, руководил проектами постройки загородных домов для Кантерлотской знати, например. Рассказ его много времени не занял – он был немногословен. Не рассказал он даже о том, как попал сюда.

Сэнсофэллоу был следующим. Как он сам выразился: «моя жизнь – чудная вещь». Родился и жил он в Мэйнхеттене, учился сначала в школе, а затем в тамошней академии волшебства одинаково хорошо, но при этом не был «ботаником» – у него была девушка, друзья, и так

далее. Жизнь его была нескучна и разнообразна. Единственное, что смущало молодого единорога – это отсутствие метки! У него она появилась в семнадцать, после того, как он проснулся в самый обычный день в своей кровати. И метка его была тоже какой-то странной... Впрочем, мы всё её видели, и никто не сомневался в её странности. Никто не понимал её значения.

Как-то раз он вместе с семьёй отправился в Кантерлот – навестить тётю. И тут-то его и похитили... Тоже на станции! И, что удивительней всего, на нём, как и на мне, в момент похищения была фетровая шляпа. Как и на Гайде, который тоже это вскорости отметил. Как и на Палтери. Как и на Констабле! Как и на Бэйне. Да это какая-то тайная сходка неанонимных носителей фетровых шляп получается! Недаром на многих котах были именно фетровые шляпы. Теперь ясно, по какому критерию они отбирают себе новых пленников: крепкий, и, как это ни смешно, с фетровой шляпой на голове? Товарищ, пройдёмте-ка... Тюремщик – большой ангорский верзила, принёс ужин – скромную овсянку. Мы быстро поели, и собрались слушать историю Бэйна. Однако он гордо задрал нос, сложил копыта на груди, и наотрез отказался рассказывать. Напрасно мы его пытались уломать. Да чего там Бэйн! Самое ужасное, что я даже не заметил того, что во время наших бесед Бонд отправился спать!! Да что за невезение такое-то?! Самого интересного меня лишила судьба-злодейка.

Вслед за этим мы решили полчасика вздремнуть, дабы лучше думалось. Кстати, никто так и не смог внятно ответить на мой вопрос, почему же работников так рано отпустили. Что-то здесь не так...

Лёжа на кровати, я думал. За что же мне голосовать? С одной стороны, можно, по плану Гайда, подождать – до Дискорда я уже не доберусь, всё равно. Надо здесь освоиться, может, тем более, чего-нибудь новенького придумаем.

С другой стороны, план Палтери тоже звучал заманчиво... Честно признаться, мне не хотелось оставаться здесь надолго... Но я же не знаю тут ничего! Если завтра грянет бой, я просто потеряюсь! И к тому же, вдруг этот кагбэ мятежник – просто враль или шутник эдакий?

И тут до меня дошло... Словно меня токомшибануло... Бой... Неужели завтра будет самый настоящий бой? С кровью, убийствами? А если меня... Убьют? Проснусь ли я в своей кровати?

Мне стало страшно за своё будущее. Впервые, по-настоящему *страшно*.

Глава VIII

Плана "Б" не предусмотрено!

В которой Пинки Пай так и не узнает, кто такой Инфаркт, а также является ли Дискорд его братом.

Я сделал один небольшой и неуверенный шаг в сторону зияющей пещеры. К моей спине крепились оглобли, к коим, в свою очередь, крепилась тележка, пустая (если не считать кирки, которая в ней лежала).

Шёл я, естественно, не в гордом одиночестве. По правое копыто от меня, так сказать, со стороны копытодесницы был Бэйн, слева же, со стороны копытошуйцы – Гайд Рэпейр. Перед Бэйном шёл Палтери. Его по обыкновению беззаботное и оптимистичное лицо выражало несильную, но тревогу – одним из четырёх конвоиров, окружающих нас со всех сторон, был, похоже, тот самый рыжий кот персидской породы, который, возможно, откроет нам дорогу на свободу... Замыкал нашу процессию Констабл. Его лицо, как и крупные мускулы, были слегка напряжены – ибо судьбоносный момент был близок как никогда, и он как никто другой чувствовал это всем своим нутром матёрого борца с преступностью. Сэнсофэллоу, к сожалению, с нами не было, как, впрочем, и Бонда. Но Бонд-то ладно – он всегда выполнял другую работу, а именно был ПООООВАРОМ... Тьфууй, этот толстяк вспомнился. Ну, не совсем поваром – своим огненным дыханием он заменял печь, дабы нашим, как выразился Бэйн, «пушистикам» экономить топливо.

А вот Сэнсофэллоу внезапно отвели на другой рудник – как оказалось, нашим хозяевам нужно было найти с помощью его магии новые залежи металлов, а все остальные немногочисленные единороги были заняты другими, не менее важными делами... Надеюсь, нам получится с ним воссоединиться в случае успеха – всё-таки, легче сбрасывать рабские оковы при помощи тех, кого ты хоть сколько-то знаешь.

Я закрыл глаза и блаженно втянул носом свежий, бодрящий и слегка влажный лесной воздух. Возможно, что после этой передрыги мне больше не выдаться такой возможности. От этой внезапной мысли меня пробрала дрожь...

Собравшись с духом, я раскрыл глаза и уверенно шагнул в темноту.

Голосование было проведено быстро и решительно, ten seconds flat! Абсолютное большинство поддержало рискованную, но заманчиво звучащую идею Палтери. Разве что Бэйн высказался против (вполне в его духе), и проголосовал за идею Гайда. Судя по распределению, так сказать, сил, мой голос ничего особо бы и не изменил. Засим мы стали обсуждать план действий на завтра, вновь собравшись в кружок:

- Ну так, что делать? – Задал извечный вопрос Сэнсофэллоу и оглядел присутствующих «заговорщиков».

- Ты точно уверен, что завтра в числе конвоиров он будет? – Нахмурился Констабл.

- Уверен, уверен, успокойтесь. – Заулыбался наш «свободный бард» и добавил: - он обещался быть.

- А если его там не будет? – Продолжал допытываться Констабл.

- Тогда надо будет ждать. – Ответил Палтери, как само собой разумеющееся.

- А ты не думал, что вы можете его с кем-то спутать? – Помахал лапой Бонд, закатив глаза. - Все эти коты, мне кажется, одинаковы.

- Вовсе нет. – С нетипичным для него спокойствием заметил Бэйн (похоже, что сон отрезвляюще подействовал на его буйную головушку). – Они тут разных пород, спутать того с кем-то будет сложно. Кстати, - обратился он к Палтери. – А как он выглядел?

- Такой, рыжий, пушистый, – с этими словами Палтери резко выбросил оба передних копыта по диагонали, как бы изображая его крайнюю степень пушистости – морда у него плоская, – он поднёс копыто к своему лицу, показывая, какая морда у того кота плоская (вышло не очень убедительно), - глазки махонькие, - тут он прищурился, - а сам здоровый и толстый. – Он широко развёл копытами, едва не упав при этом судьбоносном действии.

- Теперь-то мы точно его ни с кем не спутаем, да. – С какой-то мрачностью и долей иронии подметил Гайд.

- А если ты всё-таки ошибёшься? – Спросил Сэнсофэллоу.

- Маловероятно. – Заявил седоватый земной. – Очень маловероятно. – Мы условились о пароле. Я слегка толкну его и скажу: «Что-то здесь темновато!» в том случае, если мы согласны. «Что-то здесь душновато!» - это вариант на тот случай, если мы не согласны.

- Э... А что потом? – Потёр я подбородок. – Суп с котом?

- Именно. – Улыбнулся Палтери. – Один из конвоиров, как он утверждал, будет тоже нашим. Соответственно, один из них отвлечёт внимание других двух, в то время как он сам освободит нас от цепей...

- А потом драка. – Завершил мысль «свободного барда» Констабл. Его интонация была такой... Ничего не значащей, равнодушной, безразличной, что мне как-то жутковато стало.

- Что мне-то делать, пока вы там будете тешиться? – Возмутился дракончик и сложил лапы на груди.

- Звук горна возвестит о начале восстания, – пояснил Палтери, - как услышишь его – будь готов!

– А дальше уж как пойдёт. Попробуй нас найти. Атакуй их огнём. Подталкивай всех, кого встретишь, к сопротивлению. Найдёмся, в общем. – Заключил Гайд.

Что ж, план был неплох, но слишком уж беспорядочен, на мой взгляд... А если всё пойдёт не так, как задумывалось? Храни нас Селестия... Это будет ужасно... Тогда мы все рискуем погибнуть ни за что ни про что.

Живо в моём воображении представились страшные картины боя: я, издавая громкие боевые кличи, бегу бок о бок с остальными пятью товарищами сквозь еле освещённые пещеры на врагов. На нас же, ровным нерушимым строем, выставив вперёд копыя, надвигается стена воинов-котов. Сэнсофэллоу, применив заклинание левитации, пытается выхватить у нескольких котов оружие, с переменным успехом.

И вот, две линии столкнулись. Несмотря на неимение крыльев, подобно молнии взлетает в воздух Бэйн, и с громким криком наносит он страшный удар копытами в челюсть первому попавшемуся коту. Молча, с мрачной уверенностью на лице уклоняется от просвистевшего мимо виска копыя Гайд, быстро разворачивается и изо всех сил лягает неудачливого кота, отчего тот с громким и скорбным воплем валится в пропасть, зияющую неподалёку.

А вот и Констабл. Сражаться – его профессия, и здесь он чувствует себя как рыба в воде. Сначала он, приложив невероятные усилия, выхватывает при помощи зубов у одного из котов копыё из лап, после чего, обхватив его копытами, с разгону вонзает его в противника. Извлекши остриё из живого ещё кота, он размахивается и швыряет копыё в другого кота, отчего тот, тяжело покачнувшись, падает на землю и затихает навечно.

Палтери, несмотря ни на что, тоже показывает себя с лучшей стороны. Как знать, какие приключения довелось ему пережить во время своих путешествий по стране? Ибо сражался он мастерски, несмотря на возраст и кажущуюся безобидность.

А я что? Я, неопытный подросток из мира людей, не могу сделать ничего. Первой моей мыслью было убежать отсюда подальше, но усилием воли я подавил в себе это нечестивое желание и бросился на врага. Вдруг, страшная боль волной нахлынула на меня в районе живота. Всё во мне загорелось, я обернулся... И увидел страшную, звериную ухмылку одного из стражников. Из моего левого бока торчал окровавленный наконечник. Меня что?.. Убили?..

Некоторое время все молчали. Медленно удалялись мы от хода на свободу, с каждым шагом приближаясь к своей судьбинушке... Скоро, уже совсем скоро *начнётся*. Постепенно всё меньше и меньше света пробивалось в темноту. Некоторое время мы вообще шли, окутанные кромешной тьмой. Похоже, что распил и откат существует не только в нашей с вами стране – тусклый свет факелов не сразу стал освещать наш путь, и не сразу причудливые тени заплясали по стенам пещеры...

Палтери, будучи совсем не дураком (хотя первое впечатление моё о нём было именно таким), воспользовался этим кратким тёмным участком для того, чтобы незаметно подобраться к возможному избавителю.

Вся наша заговорщическая группа тут же подыграла Палтери, и мы стали нарочно как можно громче греметь цепями, дабы обратить на себя внимание других стражников. Н-дя, конечно, патрульные, прошедшие мимо нас, одарили нас очень, *очень* недоумевающими взглядами, но... Какое нам дело до патрульных, спрашивается?

Хотя Палтери, всё-таки, дождался того момента, когда они пройдут, и незаметно толкнул ногой рыжего кота, нашего освободителя, но не успел он произнести знаковое «что-то здесь темновато!», как вдруг стражник остановился и оглушительно прорычал:

- Эй, ты, ты чего творишь?!

Палтери как-то замялся. Тревожное выражение появилось на его лице. Казалось даже, что очки его поникли и съёжились, став ещё меньше, чем они на самом деле являются.

- Я говорю... - Упавшим голосом промямлил он, отводя взгляд, - что... Темновато что-то здесь...

- Что?! – Рывкнул стражник и стукнул копыём по земле. – Марш обратно в линию, - зашипел

он и указал в нашу сторону, - а не то я из тебя щас всю дурь-то повыбиваю!
Растерянный, подавленный и смущённый донельзя Палтери отошёл обратно, перекинувшись с нами грустными, извиняющимися взглядами. Больше на лице его не было видно прежнего оптимизма. Ужасная ошибка сломила его неколебимое жизнелюбие...
Неужели он действительно его с кем-то перепутал? А вдруг это был такой вот «розыгрыш»? Мы продолжали идти, погружённые в невесёлые размышления, незаметно от охраны продолжая перекидываться многозначительными взглядами.
Казалось, что мы бесконечно будем брести по этой пещере, как вдруг, совершенно неожиданно для всех и каждого, Палтери крикнул:
- Бей их, братцы! - тут он присовокупил кой-какое крепкое словцо, которое не надлежит применять в приличной литературе, - вперёд, ура! – И он, продолжая волочить за собой тяжёлую тележку, ринулся на врага.

Мы, как и коты, сначала, мягко сказать, немного опешили... И действительно? Кто ожидал такого от Палтери – счастливого старенького добряка? Но, когда он ударил передними копытами кота, отчего тот упал, и укусил его, все – и пленники, и коты, будто бы очнулись. Мы бросились в атаку! Коты хоть и были вооружены копьями, но у них был строгий наказ – не убивать пленников без особых указаний свыше, и это, фактически, связывало им лапы похлеще любых верёвок.

Констабл пришла в голову хорошая мысль; он вцепился зубами в хомут, опоясывавший тело Гайда, и попытался его стащить, пока тот отбивался от врагов. Как ни странно, со второй попытки этот план сработал – либо они что-то подобное замыслили уже давно, и приняли меры, либо то было простое везение. С громким рёвом освободившийся Гайд Рэпейр развернулся и лягнул стражника, отчего тот отлетел на целый метр и тяжело ударился об стену.

Разгорелась нешуточная борьба, и, как ни странно, мы одерживали верх! Оставшиеся двое стали спешно отступать назад, за подкреплением. Гайд было бросился за ними, но Констабл его резко осадил:

- Стой! Сначала надо освободить всех наших!

Гайд вместе с Констаблом сняли ключи со стражнических поясов, после чего стали освобождать остальных.

- Хватайте кирки! – Крикнул Палтери, сжимая в копыте импровизированное оружие.

- Уж лучше копыта... - Деловито произнёс Констабл, подбирая копыё оглушённого стражника.

- Не знаю как вам, а мне сподручней так будет. – Пробормотал Гайд, в подтверждение своих слов лягнув стену.

Я решил последовать примеру Констабла и поднял копыё. Вроде бы, им не так уж и сложно пользоваться... Копыта с этим ихним понячьим природным телекинезом (или как его) – не так удобно, как пальцы на руках, но для того, чего мы собираемся делать, этого вполне хватит.

Бэйн же взял себе кирку, потряс ею, и воскликнул:

- Ну, гады, держитесь! – И было закричал «за мной» и помчался куда глаза глядят, словно модница на распродаже, но Палтери загородил ему дорогу, вытянул незанятое копыто вперёд и ровно произнёс:

- Спокойно, Бэйн. Нужно действовать сообща. – Бэйн словно нехотя послушал совет старшего, и нетерпеливо уставился на нас. Глаза его горели. Такое чувство, как будто он, аки Рэмбо, в одиночку хотел своей киркой... Порубать?.. Исколоть?.. Избить?.. Всю стражу, какая только была здесь.

- Быстро, быстро уходим отсюда! – Топнул копытом Гайд.

- Ты хочешь, чтобы нас порубали с тыла? – Спросил Констабл и недоумённо взвёл брови.

Словно в подтверждение его слов за нами послышались негромкие ещё крики, эхом отдававшиеся от стен, и громкое, нестройное мяуканье – то шла за нами стража.

- Бежим, бежим! – Воскликнул я и пустился вскачь в сторону выхода. Все остальные спешно

потянулись за мной, уже безо всяких разговоров. Копьё мешало бежать, так что я зажал его в зубах и поскакал дальше.

Как это ни странно, по пути нам никто не попался. То ли нам просто очень повезло, то ли патрульные, прошедшие мимо нас до этого, все как один туги на ухо, ум, и зрение (невольно склоняюсь к последнему, признаться)...

Так что на волю мы выбрались без особых трудов. А вот потом началось...

Каким-то образом они предупредили «поверхность» о нашем приближении, и это было неожиданно... Кхм... Очень... Неожиданно...

Перед нами в полной тишине выстроилась пушистая злобная стена, ошетилившаяся копиями, шерстью и когтями. Казалось, что обойти её не было никакой возможности – ряды были плотны, и непроницаемым полумесяцем окружали выход. Мы замешкались. Сзади нас – толпа злых котов. Спереди... Тоже толпа злых котов. Путей обхода – нет. Надежда тоже будто бы угасла в один момент, словно кто-то в момент выкрутил только что включенную электрическую лампу и... Съел. Сурово и брутально, не так ли? Вот так наши противники и выглядели. Сурово и брутально.

Прошло несколько секунд, во время которых обе стороны молчали, разглядывая своих врагов. Наконец, из строя вышел не кто иной, как их босс, дымя своей неизменной сигарой и вальяжно покачиваясь на ходу. Небрежно вынув изо рта сигару и пустив облако дыма, он с лукавым прищуром и не менее лукавой улыбкой замурлыкал:

- Ну что-о-о, др-р-рузья? Вы не пр-р-ро-о-отив, если я пр-р-рикр-р-рою вашу лавочку?..

Мы ничего не ответили. К сожалению, обстоятельства были не нашей стороне – мы были во власти циничного хозяина.

- Что же мне с вами делать? – Спросил он будто бы у пролетающей мимо птицы. – Перебить вас? – Мы все как один вздрогнули от того холода и безразличия, которым веяло от его слов.

- Нет. – Он обратил на нас взгляд своих прищуренных глаз. В них плясали недобрые огоньки. – Пожалуй, самого бу-у-уйного из вас не мешало бы по гор-р-рлу... - он злобно ухмыльнулся, - ...чикнуть... Чтобы неповадно было... - Босс внимательно рассмотрел всех нас ещё раз, и поманил к себе Гайда.

- Ты. Да-да, ты. Подойди-ка сюда. – Гайд стиснул зубы и нахмурился, в его глазах читалось неприкрытое презрение. К чему? К жизни ли своей, к котам ли? Непонятно. Впрочем, он решительно направился к своему врагу, чеканя шаг. Неужели его убьют сейчас? Мы обменивались растерянными взглядами. Мы хотели помочь другу, но не знали как – устраивать сражение в таких условиях было бы равносильно смерти.

Вдруг, сквозь строй к лидеру подбежал приземистый и худой кот непонятной породы.

Шляпы на нём не было, шерсть его была взъерошена, а лицо было встревожено (не знаю уж, как мне удалось это понять, но факт остаётся фактом).

- Бо-о-оу-сс! – Жалобно промяукал он.

- Чего тебе? – Резко ответил тот, словно предчувствуя неладное.

- На нас напали!

Уверенность покинула босса. Медленно и мрачно засунул он в рот сигару, после чего нахмурился и надвинул на глаза шляпу, что придало ему такой мрачный вид, что им впору было пугать маленьких (да и не только маленьких) детей (чего уж там, да и не только детей).

- Ты, ты, ты, ты и ты, – он тыкнул лапой в первых попавшихся охранников, - остаётесь здесь, отведите их в тюрьму. Остальные – за мной, шагом-марш!

Отряд спешно удалился. Гайд Рэпейр, казалось, не верил своей удаче и в несвойственной ему радостной манере улыбался. Сохранял он улыбку долго, даже тогда, когда нас, окружив со всех сторон, повели обратно, в заточение.

А меж тем лагерь кипел. Всё похваталось за оружие и бежало в одну сторону – как мне казалось, туда, где был выход (ну или вход тоже, если вспомнить тот самый детский анекдот про Штирлица). Сверху внезапно послышался громкий шелест – мы повернули голову вверх

с тем, чтобы увидеть... Около десятка белоснежных пегасов в золотой броне, которые, пробиваясь сквозь густые заросли листвы над нами, стремительно летели вниз. Да это же Кантерлотская стража! Надежда взыграла во мне с новой силой, и я закричал:

- Мы спасены! Бей их! – Повторять было не нужно. SPARTAAAA!!! Коты, ошарашенные появлением большого количества врагов, не сразу сообразили, что мы атакуем, так что вскоре они все, оглушённые меткими ударами наших копыт, лежали на земле. Мы похватили оружие и помчались вперёд – туда, где кипел жаркий бой, туда, откуда доносился звон оружия и громкие возгласы...

Лагерь был в полном беспорядке. Всё больше голубоглазых стражников вылетало из лиственного «потолка», вступая в битву с котами, всё больше стражников выпрыгивало со всех сторон из-за стен. Меж тем голубой неопознанный объект пронёсся над нами – по радужному следу и его ослепительной голубизне, а также скорости, с которой этот самый объект летел, было нетрудно опознать, кто же это. Конечно же, Рэйнбоу Дэш. Но что она здесь делает?

Послышался громкий крик «ИИИХААА!», и одного из котов обхватил метко пущенный аркан. А вот и Эпплджек. Подождите, вы что, хотите сказать, что...

Кота, занесшего копьё над поваленным на землю стражником, вдруг обхватило фиолетовое сияние и выбросило куда-то за забор. Твайлайт?

Вот и Рэрити объявилась, и она всеми своими действиями подтверждала правило «Даже если пони женственна, это не значит, что она слаба». Хотя бы потому, что она схватилась вкопытную с тремя противниками одновременно. Да уж. Внешность обманчива.

А что же Флаттершай и Пинки? А ну-ка, догадайтесь, как несравненная Пинки Пай боролась со страшным, жестоким и бессердечным противником? Как бы вы поступили на её месте?

Вооружились? Да, но чем? Думаю, не бронебойными пирогами. Но именно так Пинки Пай и поступила. Впрочем, чего я хочу, это же Пинки... Надо признать, что своими меткими снайперскими бросками она беспощадно разила врагов. Всё как надо – один бросок, один... Труп?

А Флатти, как и обычно, пряталась за чьими-то спинами. Чего и следовало ожидать.

Мы, конечно же, присоединились к нашим новообретённым союзникам. Я лично, взвинченный надеждой на победу, звуками боя и осознанием собственной храбрости, невзирая ни на что, разил врагов копытом, копьём и зубом!

Наконец, битва утихла. Победа за нами! К чести Эквестрийской стражи, убитых среди котов вроде бы как даже и не было – были связанные, были оглушённые, но убитые – нет. По крайней мере я их не видел.

- Цезарь! – Услышал я радостный возглас. – Наконец-то мы тебя нашли!

- Твайлайт! – Воскликнул я. Слёзы навернулись мне на глаза. – Твайлайт, ты не представляешь, как я рад тебя видеть! – Я крепко обнял её.

- Клок сообщил нам о том, что тебя похитили, когда приехал в Кантерлот, и... - Твай не успела договорить, как на нас набросилась mane5 (шестая уже на меня набросилась до этого), и стала обниматься. Все поздравляли меня с освобождением, радовались и смеялись... Я был на седьмом небе от счастья. Пережить *такое* и после этого оказаться в кругу верных друзей – что может быть лучше?..

Наконец, когда эмоции поутихли, мы собрались в кружок.

Стражники сновали туда-сюда вокруг нас, волоча за собой пленных. Я даже заметил босса, который громко и возмущённо мяукал, тщетно пытаясь вырваться из мёртвой хватки стражей, с каменными лицами тащивших его куда-то в сторону. Моих товарищей пока что не было видно – может быть, рассеялись по поляне... Но мне было не до этого – у меня было множество вопросов...

- так как вы меня нашли? – Немедленно выпалил я.

- Клок по приезду в Кантерлот тут же рассказал нам о произошедшем. – Пояснила Твайлайт и добавила: - Кстати, Селестия вызывала нас в Кантерлот именно по этому поводу, по поводу алмазных котов...

- Так что? – Ахнул я. – Не было никакого Дискорда?
- Кого? – Удивлённо спросила Пинки и захлопала глазами. – Это что, брат Инфаркта?
- Диск... - Я запнулся. Мои опасения были напрасными. Вся моя поездка была напрасной. Все мои зловключения были напрасными. Всё то, что я здесь пережил – всё это напрасно... Но всё хорошо закончилось, не так ли? И это главное. – Неважно. – Улыбнулся я. – Так как вы меня нашли?
- Клок рассказал нам о тебе. – Внезапно вмешалась в разговор Флаттершай, мягко улыбаясь.
– А Рэйнбоу, - она указала копытом на радужную пегасочку, - нашла тебя по тем следам, которые указал нам Клок.
- Не такое уж и надёжное логово у этих бандюг! – Задиристо крикнула Рэйнбоу и взмыла в воздух, будто бы бросая вызов всем разбойничьим логовам Эквестрии. - Найти их было легче лёгкого!
- Цезарь, дорогуша... - Сказала Рэрити и улыбнулась. – У тебя комок пыли в гриве... Дай я смахну...
Она подошла ко мне и коснулась копытом моей шевелюры, и всё бы ничего, если бы я не засветился белым сиянием и не стал исч... Стоп, что?! Я СВЕЧУСЬ? Я ИСЧЕЗАЮ?! ЧТО?! Дыхание спёрло, белые лучи пронзили моё тело, и светлая пелена стала постепенно закрывать мои глаза. Я почувствовал, что перестаю ощущать свои копыта и взлетаю в воздух... Тщетно замахал я копытами, тщетно закричал. В ушах моих загудело, и зазвучала знакомая, знакомая до боли, приглушённая [музыка](#)...

*Now the hour has come at last
The soft and fading light
Has crossed the west horizon
And has bidden us goodnight
And what a lovely night it is
To walk a moonlit field
To see the softer shades
That are by starlight now revealed*

Ужас меня охватил – то был звонок мобильного телефона. Я возвращаюсь в реальный мир... Я просыпаюсь... Как же так? За что?
Рэрити взглянула сперва на своё копыто, потом на меня, завизжала и упала в обморок. Остальные тоже закричали, они наперебой спрашивали меня, что происходит, а музыка меж тем становилась всё громче и я всё слабей и слабей ощущал связь со своим телом, постепенно взлетая в воздух, и ослепительно яркие лучи белого света всё сильнее и сильнее пронзали меня...

*So why is it that now,
When all is quiet and at rest
When candles glow and all the world
Is at its very best
The ponies of Equestria
Should lock themselves away
To shun the moon and wait instead
For Sister's sunny day?*

И тут я вспомнил кое-что очень важное. Я засуетился, забил в воздухе копытами ещё сильнее, и закричал:
- Бонд! *Бонд!* Позовите сюда Бонда! – Это был мой последний шанс. Если я не узнаю этого сейчас, то не узнаю никогда. – Бонд! – Кричал я. – Бонд, где же ты?!

*Am I so wrong to wish that they
Would see things like I do?
And am I so wrong to think
That they might love me too?
Why shouldn't they adore me?
Is it not within my right?
I'll not be overshadowed!
Mine is not the lesser light!
I've waited long enough now
For them all to come around
And though the Sun may plead and threaten,
The Moon will stand her ground!*

- Я здесь! – Чётко и явственно на фоне сбивчивой какофонии звуков услышал я голос дракона. Я воспрянул духом, увидев силуэт дракончика сквозь светлую белую пелену, уже почти полностью закрывшую мои глаза.
- Бонд! Скажи, ты с Земли?! Бонд!
- Цезарь, я...

*And all will know the wonder
Of my dark and jeweled sky
When all the world is wrapped
In an eternal lullaby
So say goodnight at this,
The final setting of the sun
Tomorrow dawns in darkness
The nighttime has begun!*

Вспышка белого сияния, вслед за этим тишина и кромешная тьма.

Юноша, тяжело дыша, резко сел в кровати и оглянулся по сторонам. Рядом с ним, на тумбочке, звенел мобильный телефон. Всё ещё витая в своих странных мыслях, и не соображая, что, где, и как, он протянул руку и взял трубку.

- Алло? – Безучастно спросил он.

- Алло! – Раздался радостный голос из трубки. – Ты ещё спишь?!

- Да, - он бросил взгляд в окно, за которым всходило солнце, - сплю.

- А, - хохотнул голос, - ну тогда извини! – И бросил трубку.

«Андрей...» - пробормотал юноша и тяжело повалился на кровать. «Ну вот угораздило его?.. Эх...»

И тут он задумался. Так это было всё-таки сон? Похоже на то... Сон... Всего лишь обычный дурацкий сон. Он тяжело вздохнул, и стал вспоминать его события. Станный же сон получается! Сначала забег по яблочному саду, потом психушка, потом психиатр, Понивилль и стихи, потом чудак О`Клок, потом Пинки и Эквестрийский эпос, потом вечеринка, потом поезд и коты, и, наконец, освобождение.

Никакой логической связи между этими элементами провести едва ли не невозможно...

Юноша покачал головой, грустно вздохнул и провёл рукой по волосам.

Он вздрогнул. Сел. Посмотрел на руку, которой только что провёл по волосам. На ней был большой комочек пыли. Рэрити... Как же хорошо, что ты его не смахнула... Глаза его заискрились счастьем, улыбка озарила его лицо...

Счастливый сонец?